

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.096 (09) (571.13)

**Д. И. ЧЕРНЯВСКИЙ
А. В. ДВОЙНЕВ**

Омский государственный
технический университет

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАФЕДРЫ «ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И УПРАВЛЕНИЯ» В ОМСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В 1989—1992 ГОДАХ: ЗАРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ МЕНЕДЖМЕНТА В ОмПИ

На основании анализа комплекса использованных источников сделан вывод о наличии системного подхода в становлении и развитии системы управленческого образования в условиях нестабильности окружающей политической и социально-экономической обстановки.

Ключевые слова: высшее образование, менеджмент, образование в сфере менеджмента.

К настоящему времени назрела необходимость выявить общие тенденции развития экономического и управленческого образования в нашей стране. Череда реформ, почти непрерывно осуществляемых в Российской Федерации с 1991 года (в том числе и продолжающаяся реформа отечественной системы образования, сопровождающаяся пере-

ходом к двухуровневой системе образования, внедрением ЕГЭ и т.д.), подогревают неослабевающий интерес к истории становления и развития отечественной системы образования для подтверждения преемственности и системности в развитии образовательного процесса, который представляет собой крайней сложное и многомерное явление [1–4].

В рамках данной статьи представляется необходимым дать общую характеристику истории становления кафедры «Организация производства и управления», на базе которой осуществлялось дальнейшее развитие образования управленческого профиля в первой половине 1990-х годов в Омском государственном техническом университете. Представляется необходимым рассмотреть историю развития этой кафедры в период с 1989 года по 1992 год, для того чтобы определить, как приспосабливался коллектив кафедры к постоянно изменяющимся условиям внешней среды, ведь именно в эти годы в нашей стране начались печально известные глобальные социально-экономические и политические реформы. В качестве предмета исследования рассматриваются особенности деятельности кафедры «Организация производства и управления».

Выпускающая кафедра «Организация производства и управления» Омского политехнического института, образованная в Омском политехническом институте в декабре 1989 года при вечернем специальном факультете переподготовки кадров (СПФК), имеет длительную историю становления. В монографии В. Д. Полканова «ОмГТУ: войной рожденный» упоминается, что СПФК, при котором была образована кафедра, был открыт в ОмПИ в 1988 году [2, с. 449]. У истоков образования кафедры стояли А. Я. Барышников, Н. В. Свинтицкий, Ф. М. Земеров. Заведующим новой кафедрой ОмПИ был назначен А. Я. Барышников. С августа 1955 года по декабрь 1968 года А. Я. Барышников работал на машиностроительном заводе, на котором прошёл путь от помощника мастера до заместителя главного специалиста. После окончания аспирантуры на кафедре «Экономика и организация производства» Московского станкостроительного института в 1971 году он начал свою трудовую деятельность в Омском политехническом институте на должностях ассистента, старшего преподавателя, доцента, а затем в течение десяти лет заведовал кафедрой «Экономика и организация производства». В период с 1971 года по 1991 год А. Я. Барышниковым было опубликовано 117 научных и учебно-методических работ. А. Я. Барышников принимал самое активное участие в экономическом воспитании студентов в процессе учебной работы, работников промышленных предприятий — через участие в деятельности научных технических и экономического обществ, он являлся председателем секции экономики ОП ВНЭО машиностроителей и ОП ВНЭО им. А. С. Попова, председателем секции ОП ВНЭО «Экономика научно-технического прогресса».

К 1992 году в Омском регионе только в Омском политехническом институте готовили инженеров-организаторов производства. Дело в том, что по многочисленным заявкам предприятий г. Омска уже в 1986 году в ОмПИ была открыта вечерняя (ускоренная) форма обучения по специальности 07.16 «Организация производства», а в 1991 году был утвержден первый план набора 25 студентов на дневную форму обучения¹. Согласно заключению Государственной инспекции по аттестации учебных заведений, составленному после проверки состояния инженерно-экономической подготовки в ОмПИ (проверка проводилась с 26 марта 1992 г. по 4 апреля 1992 г.), было признано, что специальность «Организация производства» готова к переходу на многоуровневую систему подготовки специалистов. Также в этом заключении отмечалось, что основой системы формирования контингента

студентов являются договора с предприятиями (по вечерней форме обучения эта система охватывала 100% студентов), а для студентов дневной формы обучения активно внедрялась индивидуальная целевая (конт-рактная) подготовка. При этом уровень усвоения студентами учебного материала был оценен как положительный: в ходе тестирования, которым было охвачено 98% студентов, обучавшихся по специальности «Организация производства» (группы ВСП-418, ВСП-428, ВСП-438), по таким дисциплинам, как «Организация производства», «Заработная плата», «Планирование и внутрипроизводственный хозрасчет», — положительные результаты получили 100% студентов.

В то же время в развитии кафедры были и определенные трудности, наличие которых руководство осознавало и предпринимало шаги по их решению. Так, по состоянию на 1992 год кафедра еще не была полностью укомплектована кадрами ППС. Именно поэтому осуществлялся постоянный поиск и отбор преподавателей, при этом предпочтение отдавалось тем претендентам, которые имели практический опыт организационно-управленческой деятельности или же владели методикой преподавания социально-гуманитарных дисциплин, необходимых управленцам. В мае 1991 года переводом с кафедры философии был принят на кафедру «Организация производства и управления» в качестве старшего преподавателя О. М. Рой. При обсуждении кандидатуры О. М. Роя на заседании кафедры доцент Н. В. Свинтицкий отдельно отметил, что О. М. Рой «владеет курсами политологии, социологии, риторики, которые нужны управленцам, особенно для переподготовки»². В апреле 1992 года был принят на кафедру в качестве старшего преподавателя В. В. Проскурин. При этом отдельно было отмечено, что В. В. Проскурин имеет стаж практической работы на предприятии «Омскшина» в качестве экономиста и старшего экономиста 10 лет³.

Другой важной проблемой в условиях фактического развала системы высшего образования в нашей стране была организация повышения квалификации сотрудников кафедры. Здесь также можно увидеть попытки коллектива кафедры на системной основе решить и эту проблему. В 1990 году преподаватель кафедры Н. В. Свинтицкий прошёл трехмесячную стажировку в Германии, в Штутгартском университете. В период с 1.11.1991 по 19.11.1991 гг. на стажировку на завод «Омский автобусный завод» были отправлены А. Я. Барышников и И. Н. Квасов, а на пивной завод «Омский» — А. П. Ракитин.

К 1991 году преподавательский штат кафедры «Организация производства и управления» насчитывал 7 человек (2 доцента, 2 и.о. доцента, 2 старших преподавателя, 1 ассистент) и 3 совместителя. В организации и проведении учебно-практических занятий участвовали специалисты промышленных предприятий, НИИ, КБ (генеральный директор НПО МКТ, к.т.н., А. К. Грезин, директор ОЗПМ, А. К. Мартынов и др.). Так, в разработке квалификационной характеристики инженера-организатора производства специальности «Организация производства» помимо профессорско-преподавательского состава кафедры, возглавляемого заведующим кафедрой, к.т.н., доцентом А. Я. Барышниковым, также приняли участие А. К. Мартынов, директор Омского завода подъемных машин; А. В. Молтенинов, главный экономист ПО «Омский агрегатный завод»; Ю. В. Олюнин, заместитель генерального директора ПО им. А. С. Попова⁴. В характеристике,

в частности, указывалось, что инженер-организатор готовится для производственной и организационно-управленческой деятельности в производственных подразделениях, лабораториях, отделах на предприятиях, в научных и проектных организациях машиностроительного комплекса. Кроме того, добавлялось, что будущий специалист помимо общенаучных, общественных и специальных дисциплин должен в совершенстве знать содержание таких общеинженерных и специальных инженерных дисциплин, как материаловедение и технология конструкционных материалов, автоматизация и механизация производственных процессов, охрана труда и основы экологии, оборудование машиностроительных предприятий и технология машиностроения. При этом выпускник по специальности «Организация производства» должен уметь: 1) проектировать производственные системы, процессы, производственные и организационные структуры предприятий и подразделений; 2) выполнять технико-экономический анализ, обобщать результаты анализа и обосновывать принимаемые варианты решений; 3) производить оценку социально-экономической эффективности организационно-технических и других видов мероприятий; 4) ориентироваться в новых условиях действия рыночных отношений, в выборе новых форм хозяйствования, и т.д.⁵

В 1991 году в Омском политехническом институте был образован факультет экономики и управления. В состав факультета помимо таких кафедр, как «Политическая экономия» (заведующий кафедрой д.э.н. профессор П. Я. Стрелец), «Экономика и организация производства» (заведующий кафедрой к.э.н. доцент А. И. Ковалев), вошла и кафедра «Организация производства и управления» (заведующий кафедрой к.т.н. доцент А. Я. Барышников), ранее находившаяся в составе спецфакультета переподготовки кадров⁶. Кроме того, в рамках специальности «Организация производства» было решено образовывать специализацию «Организация предпринимательской деятельности», а для обеспечения учебного процесса по этой специализации в составе кафедры «Организация и управление производством» было решено организовать секцию «Управление персоналом и предпринимательством».

В то время основная материально-техническая база кафедры (помещения, оборудование), так же как и деканат ФЭУ, располагалась в восьмом корпусе ОмПИ. Уже в то время сотрудники кафедры из числа профессорско-преподавательского состава активно вели научно-исследовательскую деятельность: работали над диссертациями, разрабатывали учебно-методические пособия, повышали профессиональную квалификацию, корректировали рабочие программы, осуществляли научное руководство дипломным проектированием студентов⁷.

В условиях начавшихся глобальных социально-экономических реформ, затронувших и сферу высшего профессионального образования, коллективу кафедры удалось наладить учебный процесс, сделав систему подготовки инженеров-организаторов многоуровневой и более разветвленной, более со-

держательной. Можно выделить следующие причины успешной деятельности коллектива кафедры. Во-первых, изначально был выбран правильный приоритет — опора при формировании коллектива на инженеров-практиков и экономистов, имевших за плечами опыт работы на реальном производстве. Во-вторых, коллектив кафедры на системной основе осуществлял взаимодействие с предприятиями Омского региона (например, при разработке квалификационной характеристики инженера-организатора производства). В-третьих, на систематической основе осуществлялась переподготовка профессорско-преподавательского состава кафедры, что в условиях глобальных изменений в социально-экономической жизни страны было очень актуальным.

Примечания

¹ Выписка из протокола № 12 от 26 апреля 1991 г. заседания ученого совета Омского политехнического института.

² Протокол заседания кафедры «Организация производства и управления» ОмПИ от 27.05.1991 г.

³ Протокол заседания кафедры «Организация производства и управления» ОмПИ от 03.03.1992 г.

⁴ Протокол заседания кафедры «Организация производства и управления» ОмПИ от 15 апреля 1991 г.

⁵ Квалификационная характеристика инженера-организатора производства. Специальность 07.16. Протокол заседания кафедры «Организация производства и управления» Омского политехнического института от 15.04.1991 г.

⁶ Приказ по ОмПИ № 124 от 01.10.1991 г.

⁷ Протокол заседания кафедры «Организация производства и управления» ОмПИ от 31.11.1992 г.

Библиографический список

1. Корицкий, Э. Б. Научный менеджмент: российская история / Э. Б. Корицкий, Г. В. Нинциева, В. Х. Шетов. — СПб., 1999. — 384 с.

2. Полканов, В. Д. Омский государственный технический университет: войной рожденный (1942–2009 гг.) : моногр. / В. Д. Полканов ; под ред. В. В. Шалаа, 2010. — 578 с.

3. Шетов, В. Х. Основные направления российской экономической мысли в области научной организации труда и управления производством : дис. ... д-ра экон. наук / В. Х. Шетов. — СПб., 1999. — 349 с.

4. Полканов, В. Д. История высшего образования в России : курс лекций для студентов очной и заочной форм обучения / В. Д. Полканов. — Омск, 2008. — 117 с.

ЧЕРНЯВСКИЙ Дмитрий Иванович, доктор технических наук, профессор (Россия); заведующий кафедрой «Менеджмент».

ДВОЙНЕВ Андрей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Менеджмент».

Адрес для переписки: maneg1@omgtu.ru

Статья поступила в редакцию 22.11.2013 г.

© Д. И. Чернявский, А. В. Двойнев

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ В ПЕРИОД РЕГЕНТСТВА АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ

В статье рассмотрены основные тенденции в проведении реформ Анной Леопольдовной в качестве регента при сыне — императоре Иване VI Антоновиче — в отношении системы высших и центральных органов власти в России. Автором отмечена главная особенность регентства Анны Леопольдовны — мелочный, регламентационный характер указов и распоряжений, причиной чего являлось отсутствие знаний и опыта управления огромной империей.

Ключевые слова: государственное управление, кабинет министров, коллегии, регент, рекетмейстер, Сенат.

Анна Иоанновна скончалась 17 октября 1740 г., оставив престол сыну своей племянницы Анны Леопольдовны и Брауншвейгского принца Антона — Ивану Антоновичу, которому было всего два месяца от роду (родился 12 августа 1740 г.). Воля покойной Анны Иоанновны была исполнена: двухмесячный младенец Иван VI Антонович был объявлен новым императором России, а герцог Бирон — регентом, а фактически правителем с самодержавными полномочиями до совершеннолетия царя.

Бирон был любимцем Анны Иоанновны, но со смертью императрицы для него наступили тяжёлые времена. Бирон, зная о недоброжелательном отношении к себе русского народа, начал своё правление с милостей. Он отменил несколько смертных приговоров («О прощении некоторых винъ преступникамъ...» [1]), снизил подушный налог, в частности, в указе от 11 ноября 1740 г. отмечалась «... Наше милосердие, въ доимкахъ, объ отпущении винъ, штрафовъ и наказания впадшимъ въ разныя погрешения, такожь въ убавке на нынешний 740 годъ подушныхъ денегъ...» [2], смягчил судебные кары. Так, например, определены приоритеты в приобретении имений родственников, которые подлежали конфискации: «Сколь скоро у кого недвижимое имение..., будут конфискованы или за иски отписаны, то того жъ времени у техъ прежнихъ владельцевъ брать сказки, есть ли кто у нихъ ближние родственники, и где они обретаются, и кого они родственниковъ объявятъ, техъ... призвавъ, спросить, желаютъ ли они выкупить те отписныя или конфискованныя имения...» [3].

Положение высших и центральных органов власти в правление Бирона практически не изменилось, что было подтверждено указом «О поступании, при управлении Государственныхъ дель, по Регламентамъ и Уставамъ...», в котором указывалось следующее: «... дабы правосудие во всей Нашей Империи везде нелицемерно и истинно содержано и отправлено было... того ради заблагоразсудили, все те прежние указы ныне вновь наикрепчайшее подтвердитъ» [4].

Что касается кабинета министров, то при воцарении Ивана Антоновича он продолжал функционировать, будучи созданным еще Анной Иоанновной, и состоял из трех человек. В кабинет входили граф Андрей Иванович Остерман, князь Алексей Михайлович Черкасский, Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. И, конечно же, по нашему мнению, кабинет Ивана Антоновича имел меньшее влияние на государственное управление в период регентства Бирона, нежели при Анне Иоанновне или же в период регентства Анны Леопольдовны.

Э.-И. Бирон был регентом с 17 октября 1740 г. по 8 ноября 1740 г. Не совсем понятное многим назначение регентом постороннего в царской семье человека обещало между Бироном и родителями императора борьбу за власть. Симпатии большинства были на стороне родителей Ивана VI. В гвардии также назревал бунт против Бирона. Миних воспользовался услугами гвардии и без труда осуществил заговор. В ночь на 8 ноября 1740 года Бирон был арестован и заточён в Шлиссельбургскую крепость. Затем он со своей семьёй был сослан в Тобольскую губернию.

После падения Бирона правительницей России объявили Анну Леопольдовну. Правление Анны Леопольдовны, сначала сочувственно принятое народом и высшим обществом, вскоре стало вызывать осуждение. Ключевые посты в управлении государством оставались в руках немцев, которые пришли к власти ещё в правление Анны Иоанновны. Анна Леопольдовна мало занималась да и интересовалась государственными делами, поэтому основная управленческая нагрузка легла на кабинет министров во главе с Б. Х. Минихом. Состав кабинета подвергся изменению, он, можно сказать, достиг окончательного своего развития: Бестужев-Рюмин был арестован, и образовался новый состав кабинета, членами которого стали граф Миних, занявший как победитель первое место — ему был пожалован чин первого министра; граф Остерман, князь Черкасский и граф Головкин.

Для уменьшения волокиты при Анне Леопольдовне была учреждена должность рекетмейстера

12 ноября 1740 г.: «... Андрею Фенину... указали быть при Дворе Нашем... Рекетмейстеромъ въ ранге армейскаго Полковника,... и для того Всемилоостивейше повелеваемъ тебе:

1. Все подаваемыя Намъ челобитныя,... разсматривая, представлять Намъ токмо те, которыя до собственной Нашей резолюции касаются; а прочия... отсылать для решения въ Сенатъ...

2. ...челобитныя разсматривать по примеру должности Генерала Рекетмейстера... безъ всякаго задержания, дабы челобитчики долго не волочились...» [5]. Рекетмейстеру указывалось подавать жалобы на коллегии, канцелярии и Сенат в случае волокиты при решении дел с их стороны. «...Челобитчикахъ... дабы дела ихъ... неотменно решены были въ определенные указами и регламентами сроки, опасаясь неизбежнаго тяжкаго предъ нами ответа; напротиву жъ того и челобитчикмъ кои прошения Намъ подавать о настоящемъ и справедливомъ деле и съ обстоятельнымъ о свремъ въ какой Коллегии или Канцелярии неудовольствии показаниемъ, под опасениемъ такого жъ штрафа: ибо безсомненно и челобитчики есть суть безсовестные, которые Насъ безрезонно утруждать могутъ, къ подаче жъ таковыхъ Намъ челобитенъ для безлишняго затруднения определяемъ въ каждой неделе день субботний» [6].

Дабы и в дальнейшем избежать волокиты и не утруждать себя в отправлении государственных дел Анна Леопольдовна утвердила дополнительно указ: «О подавании челобитенъ въ учрежденныхъ местахъ и о чинении по онымъ решенийъ безъ всякой волокиты» (в указе подчеркивалось: «...Насъ не утруждать...») [7].

Для дальнейшей систематизации поданных в государственные структуры челобитных Анна Леопольдовна дает следующие распоряжения Сенату: создать при Сенате особую Комиссию, «чтобъ... все... старыя нерешенныя дела всеконечно рассмотрены решены были въ немедленномъ времени; а которыя дела за прошествиемъ времени никакому решению уже не подлежатъ, или генеральными указами решались, те все, разобравъ и учиняя имъ реестръ, отдать въ Архивъ, и впредь ихъ нерешенными не числить» [8], а также указывалось следующее: «Каковы всеподданнейшие рапорты отъ Сената подаются о решенныхъ и нерешенныхъ делахъ, таковы жъ велеть подавать въ Сенатъ изъ всехъ Коллегий и Канцелярий и Конторъ; а въ Сенате, собирая оныя, сочинять изъ нихъ генеральные рапорты, сколько въ Сенате и во всехъ оныхъ местахъ дель вступило и решено и нерешенныхъ осталось и подавать те рапорты по прежнему понеделно» [9].

В итоге Анна Леопольдовна указала Сенату подавать еженедельные рапорты о решенныхъ делахъ «... а Мы обстоятельнее того желаемъ ведать, съ какимъ успехомъ оныя дела къ решению приходятъ» [10].

Конечно же, благодаря уже упомянутым личным качествам Анны Леопольдовны, в период ее регентства кабинет серьезно изменился в своем положении, превратившись из органа подконтрольного в фактического правителя империи, прикрытого именем императора и правительницы.

28 января 1741 года вышел именной указ кабинету, создавший новую форму верховной власти. Дела кабинета, впервые указывалось, необходимо было «... разсматривать... по Департаментам: 1) «Первому Министру... Миниху, что касается до всей Нашей сухопутной полевой армии, Ландмилиции и гарнизонов, въ рекрутении людми и лошадыми, въ снабдени

ружьем, мундиромъ и амуницию и въ содержании потребныхъ для довольствия оной провиантскихъ магазиновъ... (т.е. военными делами), рапортуя обо всемъ томъ» Антону Ульриху. «2) Генерал-адмиралу Графу Остерману, все то, что надлежитъ до иностранныхъ дель,... такожь о добромъ содержании Адмиралтейства и флота... 3) Великому Канцлеру Князю Черкасскому и Вице-Канцлеру Графу Головкину, все то, что касается до внутреннихъ дель по Сенату и Синоду, и о Государственныхъ по Камеръ-Коллегии сборахъ и другихъ доходахъ, о Коммерции, о Юстиции и о прочемъ къ тому принадлежащемъ...». Уполномоченные главы «департаментовъ» имели теперь право самостоятельно рассматривать дела, относящиеся к их компетенции, а затем представлять проекты решений по ним «прочимъ Министрамъ» кабинета за своей подписью. Этот же указ предполагал назначение «известныхъ дней» для «общаго разсуждения» министров [11].

Вспомогательное значение в период регентства Анны Леопольдовны имели двенадцать отраслевых коллегий, у каждой из которых был президент и два вице-президента, а также Сенат из девяти человек. Сенат, будучи высшим центральным органом империи, тем не менее в деле государственного управления, как и вообще в процессе издания законов, играл роль второстепенную, подчиняясь в своих действиях кабинету министров.

Подводя итоги, отметим, что указы, изданные в период регентства Анны Леопольдовны в Полном собрании законов Российской империи, имеют тенденцию приобретать все более регламентационный характер с каждым последующемъ месяцем ее правления, появляется все больше распоряжений частного характера.

Регентство Анны Леопольдовны продолжалось до окончания царствования Иоанна Антоновича (25 ноября 1741 г.). Анна Леопольдовна, как и её муж, не имели элементарныхъ понятий по управлению государством. К тому же Анна Леопольдовна была чужда русской культуре, глуха к заботам и страданиям россиян. Недовольные немецкимъ засильемъ группировались вокруг царевны Елизаветы Петровны. Народ и гвардия видели в ней освободительницу России от иноземного управления. Зрел заговор против правительницы Анны Леопольдовны и её младенца — императора Ивана VI.

Библиографический список

1. О прощении некоторыхъ винъ преступникамъ и взысканий съ подсудимыхъ // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8263.
2. О рассмотрении Сенату ведомостей о доимкахъ и о подаче оныхъ для утверждения въ Кабинетъ // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8285.
3. О правилахъ оценки и продажи конфискованныхъ и за иски отписанныхъ имений // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8822.
4. О поступании, при управлении Государственныхъ дель, по Регламентамъ и Уставамъ // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8286.
5. Объ установлении при Высочайшемъ Дворе особаго Рекетмейстера // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8288.
6. О подавании жалобъ Придворному Рекетмейстеру на Коллегии, Канцелярии и Сенатъ о нескоромъ решении дель // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8293.
7. О подавании челобитенъ въ учрежденныхъ местахъ и о чинении по онымъ решенийъ безъ всякой волокиты // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8289.
8. Объ учреждении при Сенате особливой Комиссии для решения неоконченныхъ дель // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8294.
9. О доставлении изъ всехъ Коллегий, Канцелярий и Кон-

торь въ Сенатъ ведомостей о решенныхъ и нерешенныхъ делахъ // ПСЗ—1. — Т. 11. — № 8295.

10. О подавании еженедельныхъ рапортовъ изъ Сената о решенныхъ делахъ на Высочайшее усмотрение // ПСЗ—1. — Т. 11. — № 8385.

11. О разделении вступающихъ въ Кабинетъ дель между Кабинетъ-Министрами, и о порядке производства оныхъ // ПСЗ — 1. — Т. 11. — № 8326.

УДК 93:026.07(09)

И. А. СИЛАЕВА

ООО «Научно-Производственное предприятие "Сибгеокарта"», г. Нижневартовск

Н. Н. ОГЛОБЛИН О ПЕРВЫХ СИБИРСКИХ БИБЛИОТЕКАХ

Труды видного российского историка и архивиста Н. Н. Оглоблина благодаря изучению им громадного массива документов архива Сибирского приказа дают, в частности, широкое представление о книжных собраниях Тобольской епархии в XVII—первые годы XVIII столетий. Исследователь рассмотрел вопросы распространения богослужебной литературы в Сибири и историю появления там первых библиотек, в том числе у старообрядцев.

Ключевые слова: Н. Н. Оглоблин, Сибирь, книжность, Тобольская епархия, XVII столетие, библиотека, раскол.

Видный отечественный архивист и историк рубежа XIX—XX столетий Николай Николаевич Оглоблин в своих работах зачастую впервые рассмотрел вопросы формирования библиотек и распространения книг в Сибири XVII в. Однако до сих пор вклад ученого в изучение русской сибирской книжности того времени не являлся предметом специального исследования, хотя порой отмечалось, что в его работах, особенно в четырехтомном «Обзрении столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.)», в научный оборот введен обширный источниковый материал.

Одна из многочисленных статей Н. Н. Оглоблина была посвящена описи библиотеки архиепископа Тобольского и Сибирского Игнатия Римского-Корсакова [1].

При изучении этого книжного собрания ученый использовал «Описные книги» митрополичьей «домовой и келейной казны», составленные в августе 1700 г. монахом И. Булаковым, дьяками Сибирского приказа и Патриаршего разряда И. Чепелевым и В. Несеровым.

Рассматривая библиотеку Игнатия, Н. Н. Оглоблин пришел к выводу, что книжность Сибири конца XVII века была неразрывно связана и с литературой богослужебного характера (Минеи, Октоихи, Служебники, Прологи, Уставы и Евангелия имелись у митрополита во многих экземплярах), и представлена светскими памятниками, такими, например, как Алфавит, Лечебник, Маргарит.

Библиотека Игнатия Римского-Корсакова, по определению Н. Н. Оглоблина, включала и печатные книги, и рукописные. Среди последних имелись житийные повести, взятые митрополитом для переписки [1, с. 4]. Н. Н. Оглоблин обратил внимание и на формат книг. Так, историк упоминает о нали-

БЕЛОВА Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), заведующая кафедрой истории Отечества и экономики.

Адрес для переписки: belova.t.a@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.11.2013 г.

© Т. А. Белова

чи у Игнатия книг «в четверть», рукописей «в полдесть», «в поддесть» в переплете, книги «в тетрадах», книги печатных «в раме», книги печатных «в десть» в переплете, книги в переплете «в осьмушку».

Внимание известного ученого привлекли и челобитные, касающиеся библиотеки последнего тобольского митрополита XVII в. Так, согласно одной из них, вологжанин Иван Слободской передал Игнатию восемь певчих нотных книг (для их переписки), которые митрополит обещал впоследствии вернуть [1, с. 5].

По данным Н. Н. Оглоблина, 14 марта 1700 г. сибирский митрополит взял две книги — Хрисмологион и Историю Скифийскую — у Алексея Коробовского, о чем известно по челобитной последнего. Исследователь привел подробные сведения о передаче А. Коробовским книг митрополиту и свидетельства очевидцев о том, что Игнатию не были уплачены деньги за упомянутые книги (разыскать их А. Коробовскому не удалось) [2].

Н. Н. Оглоблиным рассматривались и ценовые росписи библиотеки Игнатия Римского-Корсакова. Указанные исследователем цены на книги были определены торговыми людьми книжного ряда Федором Харитоновым и Стефаном Филипповым [1, с. 7].

Прослеживая судьбу библиотеки Игнатия Римского-Корсакова, Н. Н. Оглоблин поясняет, что 10 сентября 1701 г. книги и прочие предметы быта передали в дом «поставленного» в Сибирь нового митрополита Дмитрия, хотя уже через полгода, 8 февраля 1702 г., по причине перевода этого владыки в Ростов Великий часть имущества Игнатия перешла преемнику Дмитрия, другая же часть предположительно была отписана в государеву казну. Как полагал Н. Н. Оглоблин, книги Игнатия Римского-Корсакова остались у митрополита Дмитрия [1, с. 8].

Н. Н. Оглоблиным опубликованы описи, содержащие сведения о приобретении книг в 1651 г. на Московском печатном дворе и отправке их в Тобольск [3].

«Товарные ценовые росписи», составленные Иваном Пивоваровым, были использованы Н. Н. Оглоблиным при изучении книг, бытовавших в Енисейске в XVII в. В основу показаний о ценах, как указывается в работе Н. Н. Оглоблина, легли свидетельства многих торговцев, контролировавших друг друга, результатом чего стало получение достоверных сведений. На взгляд ученого, «росписи» свидетельствуют о том, что книги в Енисейске были востребованы населением, а также позволяют судить о цене, в которую обходилась литература жителям этого сибирского города.

По определению Н. Н. Оглоблина, товарные ценовые росписи состояли из трех частей, каждая из которых фиксировала цены за тот или иной период. Любопытно, что в 1648/49 г. книги, поскольку они были исключительно богослужебного содержания, в Енисейске относили к церковным предметам. По ценовой росписи середины XVII в. Н. Н. Оглоблин устанавливает, что книгами торговали те же лица, которые имели лавку с церковными принадлежностями [4, с. 282].

Анализ товарных ценовых росписей приводит Н. Н. Оглоблина к выводу о том, что в 1648/49 г. книжный рынок в Енисейске был гораздо богаче, чем в 1686/87 г. Так, из 38 поначалу книг к исходу XVII в. осталось только 19 названий.

Н. Н. Оглоблиным выявлено падение цен на 14 книг и незначительный подъем цен на 2 вида книг, продававшихся в Енисейске в XVII в.; зато Евангелие запрестольное, Евангелие толковое и Октоих четверогласный продавались в Енисейске в 1686/87 г. по той же цене, что и 38 лет тому назад. С точки зрения Н. Н. Оглоблина, литература была доступна только зажиточным горожанам [4, с. 284].

Им выяснились и цены на церковные книги относительно 1651 г. Данные об их приобретении исследователь заимствовал из челобитной сибирского архиепископа Симеона, просившего прислать для церкви богослужебные книги [5, с. 26], что и было сделано. Среди них имелось переплетенное Евангелие напрестольное, взятое в Сибирский приказ с Печатного двора [5, с. 26].

Как отмечал Н. Н. Оглоблин, на Печатном дворе для нужд Сибирского приказа были куплены переплетенные книги: Евангелие напрестольное, четыре экземпляра Учительной Псалтыри, двенадцать Минеи месячных. Кроме того, Сибирскому приказу предназначались купленные в Овощном ряду Москвы переплетенные книги: Апостол, два Октоиха на восемь голосов, четыре Часовника, Устав Большой, два Потребника.

Две богослужебные книги — Евангелие и Полууставие — были приобретены тем же приказом для отправки в церковь Демьянского яма Тобольского уезда [5, с. 27].

Н. Н. Оглоблин опубликовал сведения о покупке книг в 1690 г. в московском книжном ряду для отсылки в мангазейский Троицкий монастырь. Торговым человеком Федором Турчанином были проданы Евангелие напрестольное, Псалтырь с восследованием, Минея общая, Октоих, Шестоднев, Часослов, Пролог годовой, Требник большой, Требник в четверть, Службник и Ермолой. При их перечислении Н. Н. Оглоблиным названы цены книг [5, с. 63–64].

К 1652 г. относится дело о «ворожебных письмах», опубликованное ученым [6, с. 234–235]. Эти «письма» скопировали Никифор Андреев и Иван Микишкин. Роспись «ворожебных писем», найденных таможенным целовальником Иваном Крюковым и соборным попом Обросимом, была составлена ими сразу после осмотра и прочтения запрещенной литературы. Выяснилось, что «ворожебные письма» Никифора Андреева содержали 5 молитв, 8 заговоров, 4 письма и стихи Миколы Чудотворца. Такие письма были запрещены духовенством, ибо считались проявлением опасного колдовства. Н. Н. Оглоблин замечает, что Никифора Андреева подвергли пытке, допросу, после чего посадили в тюрьму до следующего решения его судьбы.

Н. Н. Оглоблиным приведены сведения о знакомстве с книгами грамотных жителей Красноярска. В отписке 1649 г. местный воевода М. Дурново доложил в Сибирский приказ о Е. Розникове, «чернившем псалтырь» московской печати и «приписывавшем» к ней «с литовские псалтыри», так как первая из них была «в речах не исполнена» [7, с. 682]. К отписке прилагались «расспросные речи», по которым мы можем судить о том, что Е. Розников не считал свои действия еретическими.

Н. Н. Оглоблиным опубликована грамота от 30 ноября 1627 г. тобольским воеводам о розыске и изъятии ходивших по рукам «литовской печати книг Учительных и Евангелиевых архимандрита Кирилла Транквилиона Старовецкого ево слогу». Эти книги приказывалось сжечь «на пожарах», а перечни названных сочинений и списки лиц, владевших ими, прислать в Москву [8, с. 26].

Рассмотренные Н. Н. Оглоблиным документы осылке сибирским владыкам «церковных обиходов» свидетельствуют о пополнении тобольского Софийского дома помимо церковных треб книгами, частично присланными с Печатного двора, а частично купленными в Овощном ряду Москвы. К примеру, в деле о «церковном строении и обиходах» 1625/26–1626/27 гг. говорится о отсылке церковных книг архиепископу Макарию из «Печатного книжного приказа» («двора») [9, с. 84–85].

Список книг, найденных в разных помещениях владычной резиденции, содержится в «Книге переписной Тобольского города архиепископа домовою казны», составленной после смерти архиепископа Макария по распоряжению тобольских воевод стольника князя М. М. Темкина-Ростовского «с варышци» (1635 г.) [10, с. 11].

Население первых сибирских городов и острогов порой осознавало потребность в поступлении печатных книг. Так, согласно грамоте от 6 июля 1624 г., в тобольском Знаменском монастыре недоставало книг, не было даже Евангелия [9, с. 230]. В оценке Н. Н. Оглоблина из «челобитий», поданных сибирскими архимандритами, наиболее примечательна просьба 1627–1628 гг. о разных «монастырских нуждах», в том числе присылке церковных книг для Знаменского монастыря под Тобольском [9, с. 84]. Евангелие направили в эту обитель, в которую высылались и другие книги, например, по челобитью архимандрита Тарасия. Так, к 1627–1628 гг. относятся его просьбы о разных монастырских нуждах, в том числе о присылке церковных книг [9, с. 137].

В работах Н. Н. Оглоблина говорится о поступлении книг не только в Тобольск, но и в Енисейск. Так, исследователь писал, что в 1625/26–1626/27 гг. по челобитной для новопостроенных енисейских церквей Введенской и Михаила Малеина были присланы вме-

сте с церковной утварью и требуемые книги [9, с. 118].

Из «Обозрения столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)», подготовленного Н. Н. Оглоблиным, можно почерпнуть ценные сведения о поступлении богослужебных книг из Москвы в восточные уезды России. Чаще всего ученый перечисляет книги церковного характера – богослужебные и «четыи», зачастую закупавшиеся Сибирским приказом в Книжном и Овощном рядах Москвы или непосредственно на Печатном дворе [11, с. 93].

Исследователь упоминает о том, что в Тобольск привозились книги, предназначенные для церковного пения, — Октоихи. Например, два Октоиха в переплете на восемь гласов в 1651 г. были куплены Сибирским приказом в Овощном ряду столицы.

Н. Н. Оглоблин обращал особое внимание на присылку книг в центр сибирской книжности XVII в. — Тобольский архиерейский дом.

По сведениям Н. Н. Оглоблина, о принадлежности этому Софийскому дому сказано в записи на такой книге, как Устав церковный (М., 1682) [5, с. 21]. Церковные книги посылались в тобольский Софийский собор в 1626–1627 гг. [9, с. 84–85].

При рассмотрении библиотеки Тобольского архиерейского дома XVII в. Н. Н. Оглоблин отметил, что там имелись книги, содержащие молитвословия — Псалтыри. Вкладная запись на одной из них любопытна упоминанием об известном московском купце Ф. И. Мошенникове, занимавшемся скупкой пушнины в Сибири, и о церкви, построенной в ознаменование чуда явления иконы Знамения Богородицы вдове Марии из окрестностей села Абалак близ Тобольска в 1636 г. В 1652 г. книга была куплена священником этой церкви. Годом раньше по просьбе сибирского архиепископа Симеона, обратившегося в Москву за необходимой для богослужения литературой, с Печатного двора в Тобольск были посланы 4 экземпляра Учительной Псалтыри (непереплетенные) [5, с. 26].

По наблюдению Н. Н. Оглоблина, в конце XVII века заметна относительная регулярность присылки книг из европейской России в Сибирь. По-видимому, тобольские митрополиты в то время практически почти ежегодно давали своим доверенным людям, посылавшимся в Москву за различными товарами, поручения по приобретению книг.

Дела о посылке сибирским владыкам «церковных обиходов» свидетельствуют о пополнении фондов тобольского Софийского дома помимо церковных треб книгами, частично присланными с Печатного двора, а частично купленными в Овощном ряду московского гостинного двора [9, с. 85].

По заключению ученого, крупным сибирским монастырем был тобольский Знаменский, основанный еще в конце XVI века. Судя по описям следующего столетия, он уже тогда имел библиотеку всевозможного репертуара [9, с. 230].

Как замечал Н. Н. Оглоблин, сохранились сведения о книгах Рождественского женского монастыря, церковей Николая Чудотворца и Преображенской церкви, а также церкви Рыбинской волости Енисейского уезда.

По данным исследователя, в 1625/1626–1626/1627 гг. в енисейские церкви — Введенскую и Михаила Малеина — поступили книги, в том числе Евангелие Толковое (литовской печати), «Полууставие письменное», которые были куплены в Москве в Овощном ряду у Д. Онцыфорова [9, с. 118–119].

Н. Н. Оглоблиным указано, что богослужебная литература присылалась и в Тару. Известно о по-

сылке богослужебной литературы в 1631–1632 гг. в Пятницкую церковь [9, с. 84].

По заключению исследователя, в начале XVII в. в Сибирь, в частности, в Нарымский острог, церковные книги присылались из казны [8, с. 139, 141].

Рассматривая документы об основании Якутского острога, Н. Н. Оглоблин упомянул об отправке в два якутских храма в 1637–1638 и 1640–1641 гг. богослужебной литературы вместе с церковными принадлежностями [10, с. 84, 267–268].

Ученым отмечались и факты утраты книг в результате пожаров. Так, в пожаре тобольской Вознесенской церкви (1641/42 г.) сгорели «Устав письменный, писан съ старые печати царя Василия Ивановича» и «Служебник печатный» [9, с. 84].

Н. Н. Оглоблин показал, что С. У. Ремезов, работая над «Историей Сибирской», пользовался многими рукописями, содержащими сибирские материалы, — Есиповской летописью Распространенной редакции, Кунгурской летописью, Шлецовской редакцией «Повести о Сибири», возможно, Книгой записной. Ему были известны синодик «ермаковым казакам», «Сказание о человецах незнаемых» [4, с. 73], «первое чертежное описание Сибири», составленное в 1668 г. в Тобольске, когда велено было «всю Сибирскую землю описать, грани земель и жилищ, межи, реки и урочища, и всему учинити чертеж». (Этот чертеж даже «печати предаша».) [12, с. 4].

Н. Н. Оглоблин показал, что при митрополитах Корнилии и Павле противником официального православия становится раскол. Возникла и противораскольничья литература, самыми яркими образами которой считаются послания митрополита Игнатия Римского-Корсакова [8, с. 26].

Н. Н. Оглоблин писал о появлении староверов в Тюмени, их самосожжениях, поиске у раскольников запрещенной литературы. Так, в 1702 г., после рождественских праздников, отряд из 20 служилых людей под руководством воеводы О. Я. Тухачевского выступил на поиски Авраамия Венгерского [11, с. 101–105]. По свидетельству ученого, при попытке задержания группы старообрядцев в Авраамиевой пустыни они бросали тяжелые церковные книги [11, с. 110]. В результате были отобраны, как указано Н. Н. Оглоблиным, 22 «пустынные» книги, доставленные в приказную избу. Часть печатных книг (Октай 1616 г., Шестоднев 1637 г., Книга Ефрема Сирина 1653 г., Требник 1655 г., Книга Апостол в десть 1658 г., Псалтырь неизвестного года издания, ветхая дестевая) была передана протопопу тюменского собора с целью восполнения книжного фонда после пожара. Еще 6 печатных и 10 рукописных книг, как заметил Н. Н. Оглоблин, запечатали в приказной избе [11, с. 113].

Итак, Н. Н. Оглоблиным опубликован и проанализирован обширный материал по истории сибирской книжности XVII в., в частности, о путях проникновения книг в Сибирь, их распространении, стоимости книг, создании первых сибирских библиотек и «хождении» запрещенной литературы, в частности, старообрядческой. В работах Н. Н. Оглоблина, целиком основанных на архивных документах, определяются репертуар и способы комплектования этих библиотек, прослежена динамика книжного рынка Енисейска, выявлено соотношение рукописных и печатных книг, установлены центры сибирской книжности, главным из которых являлся Тобольский архиерейский дом, очерчен круг сибирских книжников XVII в., включавший не только священнослужителей, начиная с владык, но и посад-

ских, служилых и торговых людей, раскрыта роль московских властей, прежде всего Сибирского приказа, в обеспечении книгами церквей и монастырей азиатской России, что позволяет судить о месте библиотек и распространении литературы, подчас и светской, в культурной жизни Сибири первых десятилетий ее русской колонизации, одним из каналов которой в представлении ученого и являлось развитее книжного дела.

Библиографический список

1. Оглоблин, Н. Н. Библиотека Сибирского митрополита Игнатия: 1700 г. / Н. Н. Оглоблин. — СПб. : Б. и., 1893. — 8 с.
2. Оглоблин, Н. Н. Бытовые черты начала XVIII в. / Н. Н. Оглоблин. — М., 1904. — 21 с.
3. Оглоблин, Н. Н. Из архивных мелочей XVII века / Н. Н. Оглоблин // Библиограф. — 1890. — № 2. — 2 с.
4. Оглоблин, Н. Н. Книжный рынок в Енисейске в XVII в. / Н. Н. Оглоблин // Библиограф. — 1888. — № 7–8. — 4 с.
5. Оглоблин, Н. Н. Из архивных мелочей XVII века / Н. Н. Оглоблин // Библиограф. — 1890. — № 5–6. — 69 с.
6. Оглоблин, Н. Н. Дело о «ворожебных письмах», 1652 г. Бытовые черты XVII века / Н. Н. Оглоблин // РС. — 1894. — № 3. — 2 с.
7. Оглоблин, Н. Н. Бытовые черты XVII века, XV. Вольный справщик церковных книг. 1649 г. / Н. Н. Оглоблин // Русская старина. — 1892. — № 3. — 16 с.

8. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Н. Н. Оглоблин. — М. : Университетская типография. Страстной бульвар, 1901. — Ч. 4. Документы центрального управления. — 287 с.

9. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Н. Н. Оглоблин. — М. : Университетская типография. Страстной бульвар, 1900. — Ч. 3. Документы по сношениям местного управления с центральным. — 389 с.

10. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Н. Н. Оглоблин. — М. : Университетская типография. Страстной бульвар, 1895. — Ч. 1. Документы воеводского управления. — 421 с.

11. Оглоблин, Н. Н. Старец Авраамий Венгерский (очерк из жизни старообрядцев начала XVIII века) / Н. Н. Оглоблин // На сибирские темы. Сборник в пользу Томских воскресных школ и Гоголевского народного дома / Под ред. М. Н. Соболева. — СПб., 1905. — 23 с.

12. Оглоблин, Н. Н. Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова / Н. Н. Оглоблин. — СПб., 1891. — 12 с.

СИЛАЕВА Ирина Александровна, кандидат исторических наук, начальник отдела кадров.
Адрес для переписки: sheflera77@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.04.2014 г.

© И. А. Силаева

УДК 940.3

О. В. ЧУДАКОВ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРИОД ЛИКВИДАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И СТАНОВЛЕНИЯ ВЛАСТИ СОВЕТОВ (ОКТАБРЬ 1917—ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1918 гг.)

Рассматривается взаимодействие старых органов городской власти с местными Советами в период установления Советской власти (октябрь 1917—первая половина 1918 гг.).

Ключевые слова: органы городского самоуправления, Первая мировая война, Советы рабочих депутатов, общественно-политические процессы.

Работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках государственного задания вузам в части проведения научно-исследовательских работ на 2014–2016 гг., проект 2619.

25 октября 1917 г. в Петрограде II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов заявил о смещении Временного правительства и переходе власти в руки Советов. После этих событий начинается новый этап во взаимодействии городского самоуправления и общественности. Образовавшийся на I Общесибирском съезде Советов Исполнительный комитет Советов Сибири (Центроси-

бирь) 25 октября принял резолюцию о немедленном переходе власти этому органу. В результате во многих сибирских городах состоялись собрания рабочих по вопросу о передаче власти Советам. Например, на первом собрании рабочих в здании Управления Омской железной дороги была принята резолюция: «Немедленно передать всю власть в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских де-

путатов: немедленно же вооружить всех рабочих г. Омска, дабы по требованию Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов немедленно они могли выйти на улицу с оружием в руках на защиту интересов революции» [1]. В то же время Тобольский губернский комиссар Временного правительства В. Н. Пигнатти разослал уездным комиссарам телеграмму, в которой предложил немедленно «...организоваться для поддержки Временного правительства и поддерживать нормальный ход жизни» [2]. Поэтому уже 28 октября состоялось совещание «революционных» организаций Кургана, на котором присутствовали представители Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, городской думы, гарнизонного комитета, уездного крестьянского союза, организаций эсеров и меньшевиков и был заявлен протест против установления Советской власти в Петрограде с призывом к населению сплотиться вокруг «революционных» организаций [2, с. 90].

Партийный состав городских дум во многом определил их отношение к петроградским событиям октября 1917 г. В частности, Барнаульская дума осудила «узурпацию власти» большевиками путем вооруженного насилия и заявила, что «безумная попытка петроградских большевиков угрожает гибелью свобод и революции». Она потребовала создания однородного демократического министерства и созыва Учредительного собрания [3].

На объединенном заседании гласных Томской городской думы и представителей Совета рабочих, военных и крестьянских депутатов, Земгора, земства и социалистических партий разгорелась острая дискуссия по вопросу об оценке октябрьских событий. Городской голова А.С. Флоринский и член управы М. Ф. Кузнецов высказались за однородную социалистическую власть, за скорейший созыв Учредительного собрания, которое только и может разрешить аграрный вопрос. Представитель Союза городов В. И. Колокольников доказывал необходимость поддержки Временного правительства. Член военного отдела Тюменского Совета большевик Г. П. Пермяков всю вину за сложившуюся ситуацию возложил на политику Временного правительства. Представитель меньшевиков Г. С. Малкин оценил выступление большевиков как «вредное и ошибочное». Совещание создало комитет для выработки резолюции об оценке текущего момента [4].

27 октября 1917 г. на заседании Омской городской думы гласные приняли резолюцию, в которой также осудили революционное выступление петроградского пролетариата и гарнизона, называя его «анархическим» и «безумным бунтом против Временного правительства». 28 октября состоялось общее собрание Омского Совета для обсуждения вопроса о своем отношении к вооруженному восстанию. Меньшевики и эсеры выступили против взятия власти Советом в свои руки и требовали ждать созыва Учредительного собрания. Тем не менее, самим Советом была принята резолюция, предложенная большевиками: «Омский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов приветствует выступление петроградского пролетариата и революционного гарнизона, направленное к свержению политического ига буржуазии и передаче всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и вместе с тем призывает... быть готовыми встать на активную поддержку восстания рабочих и солдат, на активную защиту революции и расширения ее завоеваний» [1, с. 23].

Ответной реакцией на октябрьские события стали локаут предпринимателей и саботаж служащих. В частности, 31 октября 1917 г. городской голова Минусинска, председатель городской думы, председатель уездной земской управы и уездный комиссар Временного правительства призывали всех служащих не выходить на работу и протестовать против перехода власти в руки Советов [5]. В Кургане в ноябре владельцы крупных предприятий объявили локаут [6]. 8 декабря в Барнауле состоялась однодневная политического забастовка. На службу не явились служащие тех учреждений, куда были направлены советские комиссары, — городского самоуправления, банков, почт, телеграфа, а также учителя [7]. Такая же ситуация наблюдалась и в других городах Сибири: в конце октября — ноябре бастовали чиновники Красноярска, в декабре 1917 г. — январе 1918 г. — в Омске, Тюмени, Томске, Иркутске, Верхнеудинске и т.д.

Чиновничий саботаж вел к дезорганизации работы учреждений, разрушал делопроизводство, нес многие дополнительные трудности. На заседании Красноярского Совета 8 ноября отмечалось, что «все чиновники, в руках которых находится громадный аппарат по различным отраслям хозяйственной и политической жизни, забастовали и в этом громадная опасность» [8]. 5 ноября 1917 г. городской голова Красноярска Я. Ф. Дубровинский обратился к служащим почты, телеграфа, банка с разъяснением смысла Октябрьского вооруженного восстания и призывом не бросать работу, т.к. саботаж направлен против интересов городского населения, в большинстве своем ставшего на сторону Советской власти [9]. 31 декабря 1917 г. в Омске на очередном заседании Совет представителей Союза служащих городского общественного самоуправления принял резолюцию, в которой осуждал руководителей забастовки служащих канцелярии городского управления, «...парализовавших самовольно этот орган и признает всякий отказ от работ в настоящее время нецелесообразным» [10].

Первым крупным региональным форумом, состоявшимся после революции, стал III Западно-Сибирский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов в Омске (2–10 декабря 1917 г.). 4 декабря съезд провозгласил установление Советской власти в Западной Сибири и выразил поддержку Совету народных комиссаров. Признавалось необходимым созвать в ближайшее время Учредительное собрание [11].

В ходе установления власти Советов в сибирских городах параллельно продолжали существовать и действовать органы городского самоуправления — городские думы и управы, осуществлявшие хозяйственно-распорядительные функции в масштабах города. Политическое влияние в стране этих органов заметно падало, однако накопленный опыт в управлении хозяйством делал неизбежным их функционирование даже в первые месяцы после перехода власти в руки большевистского правительства.

Взаимоотношения этих структур строились на базе признания Советами за думами прав юридических лиц. После того как 15 декабря 1917 г. было принято решение о слиянии Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов в Новониколаевске, объединенный Исполнительный комитет, обсудив вопрос об отношении к городской думе, постановил предоставить органам городского и земского самоуправления самостоятельность в решении

хозяйственных вопросов до того времени, пока их действия не будут противоречить интересам демократии и Советской власти [12].

В свою очередь, в резолюции городской думы об установлении Советской власти в Новониколаевске подчеркивалось: «Городская дума и уездное земство остаются самостоятельными в своих хозяйственных делах, но подконтрольными Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [13]. Более того, когда в городской думе возник конфликт по поводу определения приоритетных направлений ее деятельности, то большевистская фракция отказалась от участия в деятельности городской управы «впредь до признания городской думой Советской власти. Вместе с тем фракция заявила, что она будет принимать самое деятельное участие в работах думских комиссий» [14].

В ответ на установление Советской власти в Барнауле городская дума 7 декабря приняла специальную резолюцию о том, что она «как орган самоуправления, избранный населением на основах демократического избирательного права, не признает власти Военно-революционного комитета; но ввиду спокойствия и безопасности города и сохранения в нем, по возможности, нормальной жизни будет продолжать свою работу до тех пор, пока это будет возможно, к чему призывает все учреждения и служащих города» [3, с. 215]. Бийская и Тюменская городские думы приняли решение не подчиняться новой власти [15; 9, с. 219]. Таким образом, в процессе установления Советской власти в Сибири — с ноября 1917 г. по март — апрель 1918 г. — в реальности имело место многовластие, когда якобы взявшие эту власть Советы сосуществовали с городскими думами.

Со второй половины ноября 1917 г., в период укрепления Советской власти в Сибири, активизируются антибольшевистские силы. Оплотом контрреволюционных сил в Омске стал «Союз спасения Отечества, свободы и порядка», созданный кадетами, которые призывали «принять принудительные меры к ликвидации революционных организаций в Омске, в том числе и Совета». 1 ноября 1917 г. под руководством кадетов и эсеров они захватили помещения военно-окружного и гарнизонного комитетов, штаб Западно-Сибирского округа и военный склад боеприпасов. Но мятеж был быстро подавлен при помощи революционных солдат и казачьей части Омского гарнизона и 30 ноября на общем собрании Омского Совета по предложению З. И. Лобкова был дан наказ установить Советскую власть в Омске [16]. Барнаульский Совет рабочих и солдатских депутатов распустил Комитет спасения революции и 3 декабря 1917 г. принял решение о взятии власти в городе [16, с. 155].

В Томске под руководством эсеров исполнительный комитет Временного сибирского областного совета принял решение «ввиду исключительных обстоятельств момента» 6 декабря созвать «Чрезвычайный сибирский съезд» [17]. На последнем заседании 15 декабря Чрезвычайный областной съезд принял решение создать «во имя спасения Сибири общесибирскую социалистическую, от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством национальностей, власть в лице Сибирской областной думы и Областного совета, ответственного перед Областной думой» [11, с. 119]. В связи с чем на 8 января 1918 г. было назначено открытие первой сессии Сибирской областной думы в Томске.

Антибольшевистская направленность съезда, несмотря на социалистическую принадлежность его участников, отчетливо проявилась в принятых на нем «Положениях о временных органах управления Сибири». Согласно ст. 5 документа, эти органы должны были осуществлять свою деятельность на «узаконениях Российской Республики, изданных до 24 октября 1917 г. включительно, а также на узаконениях и распоряжениях Всероссийского Учредительного Собрания» [18]. Таким образом, областной съезд категорически отказался признавать Советскую власть и декреты II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.

В обращении «К народам Сибири» Временный сибирский областной совет призвал все население встать на защиту сибирской «социалистической» власти, обещая ему «осуществить переход земель в общенародное достояние без выкупа, организацию народного хозяйства в интересах трудящихся» и, в согласии со Всероссийским Учредительным собранием, заключить «всеобщий демократический мир» [11, с. 119].

В Иркутске, после того, как 19 ноября 1917 г. местный Совет взял власть в свои руки и образовал Военно-революционный комитет, городская дума опубликовала 23 ноября воззвание, в котором призывала население города выступить против Советской власти. 8 декабря в городе началось офицерско-юнкерское восстание, которое длилось более одной недели. 17 декабря между ВРК и Комитетом защиты революции был заключен компромиссный договор, по которому власть в Иркутске передавалась губернскому Совету, состоящему из представителей Советов, городской думы, земства и проф-союзов [19].

Первоначально органы городского самоуправления продолжали действовать, занимаясь оперативно-хозяйственной деятельностью, расширив их полномочия в сфере городского хозяйства и обслуживания населения. Советская власть стремилась использовать городские думы с их аппаратом в интересах революции. При этом Советам приходилось считаться с известным, хотя и временным, доверием части трудящихся к старому самоуправлению. Поэтому, стремясь установить контроль над городскими думами, Советская власть прежде всего проводила перевыборы гласных для устранения реакционных элементов, как это было, например, в Красноярске и Томске [20].

На состоявшемся III съезде Советов Восточной Сибири (29 января — 3 февраля 1918 г.), был подтвержден тезис о необходимости сохранения городского самоуправления только как подсобных (технических) хозяйственных организаций [21]. После Октябрьской революции Советы, где это было возможно, совместно с органами городского самоуправления пытались проводить мероприятия, связанные с решением продовольственного вопроса. В начале декабря 1917 г. в Омске состоялся III Западно-Сибирский съезд Советов, основное внимание которого было обращено на решение этого вопроса. Серьезное положение с продовольствием усугублялось тем, что многие продовольственные органы, руководимые эсерами, фактически свернули свою работу. Для разработки мер по улучшению постановки продовольственного дела еще в начале работы съезда была создана продовольственно-экономическая секция под руководством большевика П. И. Воеводина [16, с. 199].

Городские самоуправления в рамках решения продовольственного вопроса стремились объединить свои усилия. Так, например, Красноярская

городская управа в начале января 1918 г. обратилась к Томской городской управе с воззванием, в котором констатировала развал городского хозяйства вследствие войны, финансовый кризис, наличие безработицы и др. В связи с этим на 21 января было назначено совещание представителей городов, на которое уже согласились отправить своих представителей Иркутск, Нижнеудинск, Канск, Енисейск, Минусинск, Ачинск, Боготол, Мариинск, Барнаул, Бийск и др. [10].

Роспуск Учредительного собрания окончательно исчерпал возможность мирного разрешения вопроса о власти путем создания коалиции социалистов, в том числе и на региональном уровне. Так, Временный сибирский областной совет 7 января 1918 г. направил телеграмму в адрес Совнаркома, заявив, что «узурпация власти Учредительного собрания народными комиссарами приведет к крайнему обострению отношений между Сибирью и Петроградом. Власти узурпаторов Сибирь не признает» [22].

Последовавшие события наиболее ярко отражают позицию большевиков по отношению к старой власти. Первые пять месяцев 1918 г. в Сибири характеризовались развитием двух процессов. С одной стороны, наблюдается советизация региона, сопровождающаяся установлением прочного контроля большевиков за Советами и ликвидацией их конкурентов в лице городских дум и земств. С другой — происходит консолидация антисоветских сил и создание вооруженного подполья. Это было связано с тем, что в первой половине 1918 г. продолжалось оформление левозеро-ских организаций, например, в Новониколаевске, Томске, Омске и других городах, ускорившееся после разгона Учредительного собрания. Ликвидация органов городского самоуправления, в которых эсеры преобладали, лишала их возможности влиять на ситуацию в городах [11, с. 146].

Упразднение органов «буржуазного строя» осуществлялось путем их роспуска решениями Советов с передачей всех функций Советам городского хозяйства или путем слияния этих органов с Советами на правах хозяйственных организаций последних. На практике преобладал первый вариант. 6 февраля 1918 г. ликвидируется городское самоуправление в Новониколаевске, 22 февраля — городская дума в Барнауле, 27 марта распускается Томская городская дума, 5 апреля — городская дума в Чите и т.д. Кампания проводилась иногда с использованием насилия. В Омске перед разгоном городской думы представители советской милиции изымают ключи от кассы, в Тюмени В. М. Кармашеву местный Совет выдал специальный мандат «на право занятия помещения городской думы Тюмени вооруженными силами, ее роспуска и принятия от городской управы всех дел городского хозяйства и денежных сумм» [4, с. 300; 11, с. 169; 23].

Процесс ликвидации старых органов власти сопровождался пассивным сопротивлением выборных представителей и функционеров муниципальных органов, а также организаций политических партий, представленных в них, — прежде всего эсеров и меньшевиков. Самоуправление рассматривалось ими как противовес большевизированным Советам. Барнаульская городская дума 17 февраля 1918 г. специальной резолюцией выразила протест по поводу своего насильственного разгона и постановила, «не слагая полномочий, снять с себя всякую ответственность за дальнейшее ведение городского хозяйства. Вместе с тем, принимая во внимание недопустимость перерыва в деятельности муниципального аппарата, городская дума признает необ-

ходимым, подчиняясь физическому насилию, захваченную кассу и делопроизводство сдать Совету солдатских и рабочих депутатов» [3, с. 216–217]. 18 января 1918 г. Омская городская дума на своем последнем заседании после продолжительных прений приняла резолюцию, в которой гласные высказали протест «против постановления Советов, узурпировавшего права городского самоуправления, но подчиняясь насилию, приостанавливает временно свою деятельность» [24]. Тем не менее все эти протесты не могли остановить процесс «слома» старой государственной машины, хотя самоуправление к ней не относилось.

Характеризуя общественно-политическую направленность городского самоуправления в Сибири, необходимо отметить два основных фактора, влияющих на них. Внешний, когда на составы дум объективно влияли события общегосударственного масштаба, и внутренний, связанный с социально-политической структурой городского самоуправления, которое во многом было определено цензовым характером Городового положения 1892 г.

Под влиянием общественно-политических процессов городское самоуправление все чаще выходило за рамки чисто хозяйственных функций, стремясь к реализации общественно-политических интересов тех слоев городского общества, которые оно представляло. В революционных событиях городские думы, как орган самоуправления, с одной стороны, а с другой — административной власти, оказывались в центре событий, и встали на позиции либерального реформизма.

Городские думы, которые были всенародно избранными, не признавали легитимности завоевания власти большевиками и протестовали против государственного переворота, не признавая декретов Советской власти и требуя созыва Всероссийского Учредительного собрания, который они рассматривали единственно правомочным решать дальнейшую судьбу России и форму государственного устройства и управления. Поэтому политический курс большинства демократизированных дум концентрировался вокруг требований, направленных против «узурпации власти большевиков», за созыв Учредительного собрания, а с января 1918 г. против разгона его большевиками.

Но, несмотря на все усилия органов городского самоуправления, им не удалось удержать власть в своих руках и они вынуждены были передать ее, добровольно или с сопротивлением, Советской власти, органы которой взяли на себя всю ответственность за проводимую политику на местах. В свою очередь, большевики, взяв власть в свои руки и объявив Советы единственными органами народовластия, не желали делить ее ни с какими другими, в том числе демократическими органами (городскими думами), тем более что в них входили чуждые им по духу и политическим взглядам буржуазные и мелкобуржуазные элементы. Поэтому городские думы были отнесены правящей партией к организациям контрреволюционным, использовать которые возможно было лишь в переходный период и до тех пор, пока не утвердятся во власти большевистские Советы, создав соответствующий аппарат управления местным хозяйством.

Библиографический список

1. Клеткин, Е. Д. Борьба за установление Советской власти в Омске и области март 1917 — май 1918 гг. / Е. Д. Клеткин. — Омск, 1957. — С. 22.

2. Глебов, С. С. Победа Советской власти в Южном Зауралье / С. С. Глебов. — Курган : Изд-во газеты «Советское Зауралье», 1961. — С. 89.
3. Барнаульская городская дума 1877—1996 : сб. док. — Барнаул, 1999. — С. 213—214.
4. Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX—начало XX вв.) : сб. документов и материалов. — Тюмень, 1995. — С. 294—300.
5. Сагалаков, Э. А. Социально-политическое развитие Южной Сибири в 1917–1918 гг. / Э. А. Сагалаков. — Абакан : Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катаная», 2010. — С. 35.
6. Установление Советской власти на территории Курганской области (март 1917—июнь 1918 гг.) : сб. документов и материалов. — Курган : Красный Курган, 1957. — С. 83—84.
7. Жизнь Алтая. — 1917. — 10 декабря.
8. Красноярский Совет (протоколы и постановления). — Красноярск, 1960. — С. 254.
9. Октябрь в Сибири. Хроника событий (март 1917—май 1918 г.) / Э. И. Черняк [и др.]. — Новосибирск : Наука, 1987. — С. 191.
10. Революционная мысль. — 1918. — 4 января.
11. Шиловский, М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. / М. В. Шиловский. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. — С. 97.
12. Советы Томской губернии (март 1917—май 1918 гг.) : сб. документов и материалов. — Томск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1976. — С. 90—92.
13. Сибирская жизнь. — 1917. — 4 августа.
14. Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию. — Новосибирск, 1957. — С. 211.
15. Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае (1917—1920). — Барнаул, 1957. — С. 109—110.
16. Победа Великого Октября в Сибири. В 2 ч. Ч. 2. Социалистическая революция и установление Советской власти / Под ред. И. М. Разгона. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. — С. 150.
17. Шиловский, М. В. Декабрьский (1917 г.) чрезвычайный областной съезд // Сибирская заимка // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/power/shilovski4.shtml> (дата обращения: 20.04.2009).
18. Знамя революции. — 1918. — 28 января.
19. История земли Иркутской. — Иркутск : Символ, 2002. — С. 200.
20. Агалаков, В. Т. Советы Сибири (1917—1918 гг.) / В. Т. Агалаков. — Новосибирск, 1978. — С. 218.
21. Борьба за власть Советов в Иркутской губернии. — Иркутск, 1957. — С. 200.
22. Сибирская жизнь. — 1918. — 14 января.
23. Даценко, А. Г. Городское самоуправление в Новониколаевске между февралем и октябрём 1917 года / А. Г. Даценко // Проблемы истории местного управления Сибири XVI—XX вв. — Новосибирск, 1996. — С. 47.
24. Революционная мысль. — 1918. — 23 января.

ЧУДАКОВ Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения. Адрес для переписки: chudakov55@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 16.09.2013 г.

© О. В. Чудаков

УДК 94(470+571)«1900/1917»:329.14

А. А. КИСЕЛЕВ

Омский государственный педагогический университет

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ» ЧЛЕНОВ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена «революционной повседневности» членов партии социалистов-революционеров в начале XX в. Рассматриваются основные черты и элементы повседневной жизни на примере динамитных мастерских и подготовительных этапов террористических актов.

Ключевые слова: «революционная повседневность», повседневная жизнь, терроризм, социалисты-революционеры, эсеры.

На современном этапе история повседневности в течение двух последних десятилетий превратилась в отдельное научное направление. Постоянное увеличение количества публикаций посвященных истории повседневности, указывает на высокую востребованность данной проблематики. Повседневность все чаще становится предметом исторических исследований [1—3]. Н. Л. Пушкарева отмечает: «Мы все живем в повседневном мире; повседневные, а потому малозаметные в своей привычности явления окружают нас, и каждый из нас полагает, что может точно судить о них и о предмете в целом. Однако реконструкция повседневности не так про-

ста: во-первых, эта сторона действительности очень широка, всеохватна, во-вторых, у историка часто нет источников (или слишком много) относимых именно и только к ней» [4].

Несмотря на разнообразие научных публикаций на тему повседневности, некоторые темы остаются неисследованными. В частности, это касается истории революционного движения в России. Становлению и развитию революционного движения в России, посвящено огромное количество научных публикаций как отечественных, так и зарубежных историков [5—8]. Но, к сожалению, в своих работах авторы фактически не уделяют внимание повседневной

жизни российского революционера, хотя следует указать на обилие источников, которые позволяют реконструировать многие аспекты революционной повседневности.

Начало накопления историографического материала о революционном движении можно относить уже к 1880-м годам и вплоть до революции 1917 года. Следует сказать, что в это период происходит осмысление, подведение некоторых итогов за почти полувековое существование революционной деятельности. Это делается не столько профессиональными историками, сколько непосредственными свидетелями и участниками событий, как революционным лагерем, так и их противниками. Дискуссии 1920-х годов, направленные на создание новой истории революции или своего рода революционной истории, способствовали не только переосмыслению революционного движения, но и активной публикации воспоминаний, писем революционеров и т.д. Советские историки заимствовали многое сказанное Лениным. Так, например, народники 1870-х годов характеризовались как ««блестящая плеяда революционеров» с «беззаветной решимостью и энергией» и «величайшим самопожертвованием», а народники 1880–90-х годов получили оценку как «отвратительнейшие реакционеры народничества» [9].

В 1930-е гг. формирование культа личности И. В. Сталина ограничило возможности историков в изучении революционного движения в России. А появившийся в 1938 г. «Краткий курс» фактически стал опорной схемой для написания работ по истории партии большевиков и вычеркнул из истории не только политических противников (эсеры, меньшевики, анархисты. — Прим. А. К.), но и предшественников (народовольцев). Революционное движение воспринималось и трактовалось в форме четкой организованной, но «обезличенной структуры».

В период «оттепели», когда идеологическое давление ослабло, у советских историков появилась возможность и источниковая база для изучения мелкобуржуазных партий, в том числе и эсеровской партии. В своих выводах авторы вернулись к ленинским оценкам революционного движения, сделали их своей непосредственной основой, где указывали на неправильный выбор тактики и ошибки деятельности [10].

В «перестроечное» время проблематика исследований, посвященных российскому революционному движению. Появляются публикации, в которых была показана роль женщин как участниц революционных организаций [11].

На современном этапе многие российские исследователи отказались от трактовки революционного движения через призму историко-партийных представлений и стараются использовать новые исследовательские тенденции и ставят новые научные проблемы. Так, например, Р. А. Городницкий обратился к изучению деятельности «Боевой организации партии социалистов-революционеров» [12], а также мотивационной сферы эсера-террориста [13], в сфере изучения психологии российских революционеров работает и С. В. Калинин [14]. М. Б. Могильнер постаралась взглянуть на революционеров через призму их же революционной художественной литературы [15], К. Н. Морозов сделал попытку исследовать такой феномен, как «революционная субкультура» [16].

Зарубежные авторы, опираясь на методы психологии, социологии и других наук, смогли по-иному взглянуть на русских революционеров. В иностран-

ных исследованиях фигурирует «особый мир» русской радикальной интеллигенции. Основной акцент делался на психологические особенности «народных мстителей». Русские революционеры часто представляются яркими фанатиками своего дела, а иногда психически больными людьми. Особенно отчетливо это проявляется в работах, посвященных проблеме российского революционного терроризма [17, 18].

Повседневная жизнь антропоцентрична, поэтому, на наш взгляд, для постановки вопроса о повседневной жизни революционера необходимо рассматривать революционное движение как субкультуру, со своими особенностями и акцентировать свое внимание на главном его компоненте — человеке. Так как в область исследования повседневности входят различные сферы жизни человека, в том числе и его деятельность, мы будем рассматривать революционную деятельность членов партии социалистов-революционеров в контексте субкультуры российского революционера.

«Незаконность» как неотъемлемая часть революционной повседневности

Повседневность российского революционера (в нашем случае революционная деятельность как ее компонент), как и революционное движение в целом, носила «незаконный» характер. Сложившаяся в конце XIX — начале XX в. в Российской империи политическая ситуация просто не располагала к законной деятельности. Об этом ярко свидетельствуют воспоминания В. М. Зензинова, называющего «конспиративность» «главным условием успеха» подпольной работы [19, с. 80].

Одним из главных элементов конспиративности являлся паспорт. Большинство профессиональных революционеров жили на «незаконном положении», то есть под чужим именем, с чужим паспортом. «Каждая уважавшая себя революционная организация имела так называемое «паспортное бюро», т. е. запас паспортных бланков и книжек, и человека, опытного в изготовлении фальшивого паспорта. «Незаконный» имел обычно несколько паспортов и, меняя свое местожительство, менял и то имя, под которым жил», — отмечал В. М. Зензинов [19, с. 80].

В некоторой степени подобная ситуация позволяет нам говорить о некоем «обезличивании» революционера и постановки вопроса о его «самоидентификации». Наличие большого количества паспортов на чужие имена воспринималось как «издержка» профессии, как вынужденная необходимость в целях успеха революции и собственной безопасности.

Незаконная работа накладывала свой отпечаток на привычки и ментальность людей. Одной из самых важных черт революционера являлась пунктуальность. Пунктуальность была показателем профессионализма партийного работника. Е. Д. Стасова вспоминала: «<...> Не всегда можно было встретиться с товарищами на квартире, иногда приходилось встречаться на улице, где-нибудь на углу, и тут нужна была исключительная точность. Если вы придете с опозданием, товарищу придется в ожидании вас прохаживаться. Этим он обратит на себя внимание городского, шлика, дворника. <...>. Надо было мигнуть в минуту сойтись и идти дальше. Тогда ваша явка проходила незамеченной» [16, с. 48–49]. В революционной среде была высока ценность времени. Встречи революционеров, или «явки», часто проходили на квартирах сочувствующих (врачей,

адвокатов, учителей), чтобы не привлекать лишнего внимания. Но явки совершались не только на квартирах, например, Б. В. Савинков обычно устраивал явки в хороших ресторанах, опять же в целях конспирации [20, с. 61].

Отметим такой момент, что некоторые революционеры, на начальном этапе, до окончательного присоединения к революционным партиям являлись так называемыми «сочувствующими» и совмещали легальную деятельность с оказанием различной помощи революционному подполью. В качестве примеров можно привести М. М. Чернавского, Г. А. Гершуни, которые на начальном этапе ограничивались незначительными услугами революционным партиям. Например, по инициативе Г. А. Гершуни в Минске была открыта начальная школа для еврейских детей, а при ней вечерние курсы для взрослых. Революционным группам он оказывал различную техническую помощь, устраивал мастерскую для нелегальных типографий, создал паспортное бюро, занимался переправкой нелегальных лиц за границу. «Переход» на нелегальное положение требовал серьезных размышлений и должен был быть осознанным поступком. Обычно это происходило после ареста и часто сопровождалось выездом за границу. Выезжали, как правило, в Финляндию (несмотря на то что она являлась частью Российской империи), Францию, Германию, Италию, Швейцарию и др. Выезд за границу требовался для того, чтобы скрыться от надзора полиции, а также для выполнения различного рода поручений, от транспортировки революционной литературы до организации различного рода предприятий (типографий, динамитных мастерских). Аналогичные предприятия создавались и на территории Российской империи.

Повседневность динамитных мастерских

Революционная деятельность требовала определенной «специализации». Назначались ответственные за печать, были люди занимавшиеся агитацией и распространением революционной литературы, но особое место занимали технические группы. Техники занимались исключительно «боевой работой», т.е. террористической деятельностью. Их основной задачей было изготовление бомб. Для этого обычно брали действующих или бывших студентов, кто активно изучал в университете химию, так как работа предполагала работу с различного рода химическими элементами, в частности с серной кислотой. Для этого создавались специализированные предприятия — динамитные мастерские [12, с. 87 — 132].

Одна из таких мастерских, например, находилась в Финляндии. Помещение для мастерской находилось за городом и в практических целях всегда бралось в аренду. Дислокация одной и той же мастерской не была постоянной из-за соображения конспирации и безопасности. Предприятие ликвидировалось, как только оно выполнило свою «функцию», и обосновывалось в новом месте. Размер используемого помещения варьировался, скорее всего, из-за материальных причин. В. Попова в своих воспоминаниях писала о «большой и просторной» даче, состоящей «...из шести комнат, с отдельной кухней через сен [20, с. 55 — 56]. М. М. Чернавский, наоборот, отмечал, что динамитная мастерская располагалась в «небольшой финской хате, состоящей из сеней и двух комнат» [21, с. 10]. В этих фрагментах интересно то, что и В. Попова, и М. М. Чернавский опи-

сывали одну и ту же мастерскую, только местоположение и условия формирования были различны.

Жизнь в динамитной мастерской имела свои особенности. В своих воспоминаниях революционеры отмечают монотонность, однообразность жизни [20, с. 58]. Каждый следующий день был идентичен предыдущему. «Рабочая» повседневность, была лишена каких-либо изысков, это была рутина, но необходимая рутина. Подобного рода факторы создавали ощущение жизни в другом мире. В. Попова сравнивала жизнь в мастерской с монастырской по причине крайней изолированности [20, с. 58]. Революционерам запрещалось переписываться и встречаться с родными и близкими, избегали случайных встреч знакомых. Прогулки совершали только ночью, чтобы не попасть под наблюдение полиции [20, с. 59]. Нарушение правил, могло повлечь серьезные последствия.

Каждый день был связан с постоянной работой. М. М. Чернавский вспоминал: «Мы работали целый летний день с утра до вечера, с перерывами только для еды» [21, с. 13]. Отсутствие какого-либо досуга и свободного времени, также следствие постоянной занятости.

Для некоторых революционеров указанные нами ранее изолированность и монотонность работы не являлись каким-либо существенным бременем. Они ее просто не замечали по той причине, что были увлечены работой. Они были счастливы, что их привлекали к «работе», они этого ждали. «Работа была трудная и опасная, и, тем не менее, этот период кажется одним из самых светлых в моей жизни...» — отмечал Чернавский. Для многих революционная деятельность являлась единственной целью в жизни. Отдельных революционеров обычная, легальная работа тяготила, раздражала, а когда они занимались непосредственно изготовкой снарядов или подготовкой террористического акта, это приводило их к успокоению или повышенной экзальтации. Про подобных революционеров говорили, что «психически не приспособлен к мирной работе» [22, с. 145]. Для них это было возможностью самореализоваться, снять «ощущение никчемности». Напряженность и монотонность жизни нарушалась с приездом какого-либо партийца с «воли», что сопровождалось эмоциональной разрядкой, вносило некое разнообразие в «жизнь» динамитной мастерской.

Террористические акты как элемент «революционной» повседневности

Отдельной частью «рабочей» повседневности являлась подготовка к террористическим актам. На наш взгляд, уместно проводить параллели между подготовительным этапом террористического акта и театральным представлением, в котором каждому члену боевой группы была уготована отдельная роль.

Начальный этап подготовки был связан с выбором цели и формированием группы, которая будет осуществлять террористический акт. Далее детально разрабатывался план покушения, который впоследствии неоднократно редактировался на месте исполнения.

Для каждого члена группы разрабатывался маршрут. Обычно революционер самостоятельно планировал, как он будет добираться до того или иного города. Но при ответственных поручениях маршрут планировался коллективно либо руково-

дителем организации. «Кроме паспорта, мне был вручен подробнейший маршрут с указаниями станций, проездов; пересадок и т.д.» — констатировал Чернавский [23, с. 33]. Для разъездов революционеры пользовались II и даже I классом. Эти классы предохраняли от лишних встреч и докучных разговоров. III классом фактически не пользовались вследствие своей тесноты и опасности тщательного обыска полиции. Но техника иногда приходилось пользоваться III классом, по причине нехватки денежных средств.

Особое внимание уделялось «ролям», которые должны были выполнять члены боевой группы. Заметим, что роли назначались, а не выбирались, что позволяет говорить о строгой дисциплине, которая царил в группе. Каждому боевику создавалась специальная легенда. «Мы оба — деревенские уроженцы, но крестьянской работы не знаем. Мы — заводские рабочие. Я всю почти жизнь проработал на заводе токарем. <...>Миша — мой крестник» — вспоминал М. М. Чернавский [23, с. 42]. Все аспекты жизни разрабатывались до мельчайших подробностей, чтобы не вызывать подозрений не только у полиции, но и в той среде, куда революционеры внедрялись.

Одним из самых ответственных заданий являлась слежка за «объектом». Для этого использовались роли уличных торговцев и извозчиков. Многие боевики были представителями интеллигенции, поэтому им требовалось определенное актерское мастерство, чтобы сыграть роль простого «мужика». Б. В. Савинков писал в своих воспоминаниях: «Я сказал ему (Каляеву. — Прим. А. К.) в разговоре, что ему, вероятно, придется торговать на улице в разнос. <...> Я посмотрел на его бледное интеллигентное лицо с тонкими чертами, на его скорбные большие глаза, на худые нерабочие руки и промолчал. Я не мог знать тогда, что ему не будет соперников в трудной роли уличного торговца» [24, с. 17–18]. Вообще, мало кому из террористов удавалось выполнить свою задачу так, как это удалось «Позту» и «Авелю» [25, с. 83–89]. Основная цель, которую преследовали наблюдатели, была не выделяться, быть как все. Относительно мелочей Чернавский писал: «Мы стараемся точно копировать извозчиков, как в образе жизни, так и в усердии к работе...» [24, с. 17–18]. О подобного рода мелочах упоминает и Б. В. Савинков [24, с. 17–41]. Если рядовые террористы выполняли своего рода «рабочие» роли, то руководители групп и их ближайшие помощники исполняли «роли» аристократов, богатых иностранцев и др. «...Я играл роль богатого англичанина, Дора Бриллиант — бывшей певицы из «Буффа». На вопрос о моих занятиях я сказал, что я представитель большой английской велосипедной фирмы... Я имел вид делового человека, Дора — певицы» — отмечал Савинков [24, с. 17–41]. Еще один эпизод, который приводит Чернавский: «Из Лондона вся «новая» группа <...> переехала в маленький захолустный город Ньюкэй, расположенный на берегу Атлантического океана, в Корнуэльсе, в юго-западном углу Англии. Для жителей городка мы были иностранцами...<...> Группа представляла одну семью. Пишущий эти строки был полковник голландской службы в отставке. Савинков его зять. Остальные члены группы — родственники семьи» [23, с. 48]. Подобная организация «работы» практически сводила к минимуму опасность «провала». Боевая группа всегда представляла собой единое целое, «семью», это и помогало им практически всегда оставаться вне подозрения. Никто

из окружающих не догадывался, что рядом с ними живет группа террористов, готовящихся совершить покушение. В этом-то и состояла «театральность» террористической работы. Каждый очень правдиво играл отведенную ему роль.

Революционное движение представляет собой сложное явление, которое до конца не исследовано. Новые источники, вводимые в оборот, позволяют взглянуть на российских революционеров с других позиций, например, как на «особый мир» русской радикальной интеллигенции, на специфическую субкультуру.

Образ революционера, созданный самой «подпольной Россией» и транслируемый через художественную литературу, не соответствовал действительности. Литературный «герой» был наделен определенными характеристиками, была создана универсальная модель, которую использовали в качестве примера молодые революционеры. Он любил и был предан народу, хотя и отстранен от него, отдавал за народ жизнь. Как указывает М. Могильнер, «герой» должен был «вести «тонкую духовную жизнь» в узких грязных камерах» [15, с. 46]. Реальный же революционер этим характеристикам фактически не соответствовал. Рассматривая российских революционеров начала XX века через призму их повседневной жизни, мы наблюдаем иную картину. Каждый из представителей революционного лагеря являлся своеобразной личностью, будучи не похожим на своих коллег. Происходил процесс индивидуализации, трансформировавший революционную среду. У каждого из них были свои мотивы прихода в революционную деятельность, своя система ценностей. Из универсального литературного «героя» мы наблюдаем появление индивидуальности. Укажем, что революционная повседневность не была однообразной. Культура повседневности нового поколения революционеров, к которому относятся члены партии эсеров, отличалась от повседневности революционеров-народников 1870-х гг. Именно через повседневную жизнь мы можем увидеть в российском революционере настоящего, реально-го человека, а не художественный персонаж.

Библиографический список

1. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы / Н. Б. Лебина. — СПб. : Нева — Летний сад, 1999. — 334 с.
2. Лентор, Ж. Повседневная жизнь Парижа во времена Великой революции / Ж. Лентор. — М. : Молодая гвардия, 2006. — 35 с.
3. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства: XVIII — начало XIX века / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство — СПб., 1994. — 709 с.
4. Пушкарева, Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения: 20.11.2013).
5. Гейфман, А. Революционный террор в России. 1894–1917 / А. Гейфман. — М. : КРОН-ПЕРСС, 1997. — 448 с.
6. Павлов, Д. Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции / Д. Б. Павлов. — М. : Изд-во Всесоюз. заочн. политехн. ин-та, 1989. — 240 с.
7. Прайсман, Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы / Л. Г. Прайсман. — М. : РОССПЭН, 2001. — 432 с.
8. Стайтс, Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Р. Стайтс. — М. : РОССПЭН, 2004. — 616 с.

9. Троицкий, Н. А. Русское революционное народничество 1870-х годов. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/history_rus/rus_rev (дата обращения: 20.11.2013).

10. Гусев, К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции: Исторический очерк / К. В. Гусев. — М.: Мысль, 1975. — 383 с.

11. Павлюченко, Э. А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер / Э. А. Павлюченко. — М.: Мысль, 1988. — 290 с.

12. Городницкий, Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров / Р. А. Городницкий. — М.: РОССПЭН, 1998. — 242 с.

13. Городницкий, Р. А. Егор Созонов: мировоззрение и психология эсера-террориста. [Электронный ресурс]. — URL: <http://socialist.memo.ru/books/lit/sozonov.zip> (дата обращения: 22.11.2013).

14. Калинин, С. В. Психологический фактор в деятельности «Земли и воли» 1870-х годов / С. В. Калинин // Вопросы истории. — 1999. — № 3. — С. 46–58.

15. Могильнер, М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа / М. Могильнер. — М.: Новое литературное обозрение, 1999. — 208 с.

16. Морозов, К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства / К. Н. Морозов. — М.: РОССПЭН, 2005. — 736 с.

17. Бакаев, А. А. Историография российского революционного терроризма конца XIX–начала XX века: дис. ... д-ра

истор. наук / А. А. Бакаев. — М.: РУДН, 2005. — 387 с.

18. Гейфман, А. В сетях террора. Дело Азефа и русская революция / А. Гейфман. — М.: АИРО-XX, 2002. — 256 с.

19. Зензинов, В. М. Пережитое / В. М. Зензинов. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. — 239 с.

20. Попова, В. Динамитные мастерские 1906–1907 гг. и провокатор Азеф / В. Попова // Каторга и ссылка. — 1927. — № 4. — С. 53–66.

21. Чернавский, М. М. В боевой организации / М. М. Чернавский // Каторга и ссылка. — 1930. — № 7. — С. 7–39.

22. Спиридович, А. И. Партия социалистов-революционеров и их предшественники / А. И. Спиридович. — Петроград, 1918. — 340 с.

23. Чернавский, М. М. В боевой организации / М. М. Чернавский // Каторга и ссылка. — 1930. — № 8/9. — С. 26–65.

24. Савинков, Б. В. Воспоминания террориста / Б. В. Савинков // Записки террориста. — М.: Захаров, 2002. — С. 7–396.

25. Это я виноват... : Эволюция и исповедь террориста: Письма Егора Созонова с комментариями / Сост. и коммент. А. Ф. Савина. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 520 с.

КИСЕЛЕВ Александр Анатольевич, аспирант кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: ale9505@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.11.2013 г.

© А. А. Киселев

УДК 93/94 +327.5

М. М. СТЕЛЬМАК

Омский государственный
технический университет

ВОСПРИЯТИЕ ИНОСТРАННОГО ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ В РОССИИ В ОТРАЖЕНИИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРЕССЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУБРИКИ «ПЕЧАТЬ И СОЮЗНИКИ» НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «СИБИРСКИЙ ВЕСТНИК»)

Статья посвящена исследованию проблемы взаимоотношений белого движения с иностранными союзниками. На основе материалов об интервенции, опубликованных в официальном органе печати Временного Сибирского правительства «Сибирский вестник», реконструируется отношение к военному присутствию иностранных сил на территории России.

Ключевые слова: Гражданская война в России, белое движение, Антанта, прессы, международные отношения.

Участие иностранных государств в Гражданской войне в России тема, всегда привлекавшая внимание историков. В советской историографии стало традицией в негативном свете вести речь об иностранной

военной интервенции, направленной на поддержку противников Советской власти [1].

В то же время, в эмиграции, деятелями Белого движения были написаны мемуары, где участие

Антанты также характеризовалось крайне отрицательно. Союзники обвинялись в нерешительности, преследовании своих корыстных интересов, выжидательной позиции. Столь однозначные характеристики давались с целью перенести ответственность за поражение в Гражданской войне [2]. Для историка важно рассмотреть то, какими были взаимоотношения антибольшевистского движения с союзниками в начале Гражданской войны в России. В этом отношении важны материалы официального органа печати Временного Сибирского правительства — газеты «Сибирский вестник».

В российской историографии в последние два десятилетия возникает интерес к истории формирования образа иностранных союзников в различные периоды истории. К настоящему моменту уже имеется целый ряд исследований, посвящённых теме возникновения и развития представлений о союзниках [3], [4]. При этом вопрос формирования антибольшевистской прессой образа союзников в Сибири практически не изучен. Из работ, поднимающих данную проблематику, нужно отметить диссертацию П. В. Нестеренко, где автор выявил информационные возможности сибирской и дальневосточной прессы для изучения взаимоотношений Всероссийского правительства и стран-участниц союзной интервенции [5]. Тем не менее процесс эволюции образа союзников на страницах антибольшевистской прессы в ходе Гражданской войны в России еще не освещён должным образом.

1918 год ознаменовался началом военной интервенции в России. Согласно официальным заявлениям, опубликованным в антибольшевистской печати, союзные войска прибыли для оказания помощи в борьбе с общим врагом — большевизмом. После победы над ним России предстояло возобновить войну с Германией, прерванную Брестским миром, инициированным советским правительством.

Уже в январе — марте 1918 г. румынские войска занимают Бессарабию. «Проехавший через всю Сибирь в начале 1918 года французский майор С. Пишон представил французскому послу в Китае обширный доклад, в котором не только доказывал необходимость интервенции, но и намечал пути для её осуществления» [6, с. 73]. Весной 1918 г. на севере России, в районе Мурманска, а в августе и в Архангельске появляются англо-американские войска. Позднее зона действий интервентов расширилась.

Первая мировая война продолжалась до ноября 1918 г. Деятели Белого движения считали, что у союзников имеются веские основания для оказания им помощи, поскольку требовалось восстановить Восточный фронт. Однако после победы над Германией поддержка приобрела иные черты. По мнению историка, участника антибольшевистского движения С. П. Мельгунова: «Судьба и в последний момент язвительно улыбнулась России: победа Антанты над Германией в создавшихся условиях обрекла Русскую державу на временное, по крайней мере, умирание» [7, с. 109]. Действительно, возрождение общей с союзниками борьбы служило хорошим стимулом для помощи. Перемирие с Германией спутало все карты Белому движению. Как отмечал член Всероссийского правительства Колчака Г. К. Гинс: «Поражение Германии оказалось роковым для дела борьбы с большевиками. С этого момента помощь приходила нерешительная, как будто исподтишка» [8, с. 261].

По публикациям в газетах можно проследить оценку правительственной печатью общих целей ин-

тервентов и антибольшевистского движения. «К лету 1918 года, когда у союзников уже намечался более или менее реальный план «интервенции», условия действительно благоприятствовали во многих отношениях Сибири. Но союзные власти к этому решению шли медленно и с колебаниями. Туго внедрялось в их сознание известное единство в данный момент немецко-большевистской проблемы, что уже достаточно отчётливо отливало в представлении большинства русских политиков» [7, с. 111].

Но уже к осени 1918 г. ситуация меняется. 5–6 апреля во Владивостоке высаживаются японские и английские части. Началась открытая военная интервенция на Дальнем Востоке. После выступления Чехословацкого корпуса (конец мая 1918 г.) союзники стали действовать решительнее. Учитывая такую расстановку сил, антибольшевистские власти Сибири рассчитывали на то, что общественное мнение будет более благожелательным к такой помощи. Среди офицеров Белой армии преобладало положительное отношение к иностранным войскам. «Я тогда всматривался в лица иностранцев — это было очень поучительно. Ведь все тогда, особенно мы, прапорщики Первой мировой войны, очень долго и очень крепко держались за лозунг: «Верность союзникам!». Нам, неискушенным молодым людям того времени, Европа, все «европейское» казалось сияюще светлым, необычайно честным и непоколебимым в деле отстаивания культурных принципов» [9, с. 26].

Однако далеко не всегда от встреч с союзниками оставались хорошие воспоминания. «И вот в Омске мы вдруг увидели европейцев во всей их волчьей натуре. Мы долго не верили глазам своим, но убеждались в этом все больше. Нам становилось смешно, досадно на самих себя за то, что мы думали, что эти «союзнички» будут нас почему-то спасать, помогать нам... Почему они, собственно, должны были помогать нам, спасать нас, мы даже не задумывались» [9, с. 26].

В такой обстановке в газете «Сибирский вестник», официальном органе Временного Сибирского правительства, появляется рубрика «Печать и союзники». Поскольку государственная власть была заинтересована в военной помощи иностранных союзников, правительственной газете следовало продемонстрировать читателю то, насколько остальные издания солидаризируются с правительством. Материалы рубрики демонстрируют, что вмешательству союзников не удалось избежать обсуждения в региональной прессе: «Сибирская печать оживлённо комментирует заявления наших союзников — Англии, Америки и Японии, обошедшие все газеты, и также факт вступления на русскую территорию войск наших друзей для восстановления нового фронта против Германии и большевиков» [10, с. 3]. В данной рубрике за время выхода «Сибирского вестника» сделан обзор публикаций 20 периодических изданий.

Целью данной работы является рассмотреть материалы об освещении присутствия союзников в России на материалах публикаций в газете «Сибирский вестник» — официального органа печати Временного Сибирского правительства, а с 23 сентября 1918 г. — Временного Всероссийского правительства (Директории). За время существования, с 16 августа по 6 ноября 1918 г., в газете пять раз выходила рубрика «Печать и союзники», где приводились мнения, высказанные на страницах антибольшевистских сибирских газет об иностранной

помощи. По наличию данной рубрики можно определить, что Временное Сибирское и Временное Всероссийское правительства отслеживали информацию, характеризующую иностранную интервенцию в России.

Впервые рубрика «Печать и союзники» появилась в № 26 от 19 сентября 1918 г. Начинается обзор с томского либерального печатного органа «Сибирская жизнь», где анализу подвергается военная помощь союзников. Статья начинается с анализа присутствия японских войск в Сибири. «То, о чём говорилось очень давно, едва ли не с ноября прошлого года — стало совершившимся фактом. Факт этот — участие японских сухопутных сил в мировой войне в большем масштабе, при нынешнем положении дел, следует рассматривать с двух точек зрения. Каково значение его для самой войны?» [11, с. 2].

Делается предположение, что в связи с тяжёлым положением Германии (а зачастую представители антибольшевистского лагеря считали большевиков союзниками Германии), приход союзников ускорит развязку войны. Но, несмотря на восторг, рассматриваются и другие последствия таких отношений. Возникают опасения, что Россия станет не субъектом, а объектом международного права. Проявляется уважение к союзным державам, лишь присутствует небольшой скепсис. «Стране, пережившей тяжкие потрясения, переживающей их и теперь, стране без армии — приходится работать бок о бок с величайшими военными государствами мира» [11, с. 2].

Газета «Сибирская жизнь» не делает пессимистичных выводов, оставляя это на будущее. «При всём доверии в доброжелательности союзников к России, мы должны знать, что даром ничего нигде не делается, а в политике тем более, платить за помощь придётся, но чем и как — вот вопрос?» [11, с. 2].

Следующая публикация начинается с обзора приветствий союзникам. «Газеты сходятся на том, что помощь союзников нужна, нужен и приход «варягов» на нашу землю, но настаивает на том, чтобы мы сумели достойно встретить дорогих гостей, чтобы у нас была прекращена Гражданская война, была создана единая сильная Всероссийская власть, с которой одной бы и имели дело наши союзники» [12, с. 3]. По пунктам расписываются заявления союзников. «Томский «Железнодорожник» перечисляет три положения, устанавливаются в декларациях союзников: 1) союзники не покушаются на нашу территорию; 2) они предоставляют нам самим возможность создать тот или иной политический режим, причём со стороны великих английской и американской демократий мы слышим сочувствие нашему стремлению к политической борьбе; 3) союзники намерены способствовать развитию у нас здоровой экономической жизни» [12, с. 3]. Томский «Железнодорожник» с осторожностью отмечает, что далеко не все политические заявления могут быть нерушимы при всех обстоятельствах. Но укоряют ещё не действия союзников, а нерешительную политику в вопросе единой власти. Газета считает, что для полноценных отношений с союзниками нужно приложить все усилия к тому, чтобы создать могущественную в нравственном и физическом отношении демократическую всероссийскую власть. Только при таких условиях придёт настоящая помощь. «Если всем мы будем крепки, — то декларации союзников останутся для нас ценными документами, которые для будущего историка станут знаменовать поворотный момент в истории нашей страны» [12, с. 3].

Новониколаевская правосоциалистическая газета «Народная Сибирь» придерживается аналогичного мнения, считая, что союзники восстановят взаимовыгодные, равные отношения, только если в стране установится единая власть. «Обстоятельства исторической необходимости сталкивают нас лицом к лицу с нашими союзниками, с людьми дела, а не разговоров, с людьми ясной и определённой политики. Они, несомненно, пожелают иметь дело не с отдельными правительствами, а с одним, Всероссийским. На их языке нет ни Сибири, ни Урала, а есть Россия, по отношению к которой они и намерены выявить свои планы и действия» [12, с. 3]. Только с установлением такой власти помощь от союзников придёт гораздо быстрее. «Демократическая Россия совершила бы большую и непростительную ошибку, если бы она не заключила теперь же определённого договора с союзниками, имеющими общего с ней врага, и не положила тем самым конец неопределённому стихийному и потому особенно опасному положению в деле оказания России союзнической помощи» [12, с. 3].

Обзоры двух последних газет, представленных выше, появились на страницах «Сибирского вестника» 24 сентября 1918 г., на следующий день после провозглашения Временного Всероссийского правительства в лице Директории. Поэтому газеты ставили своей целью показать, что лишь с единой властью удастся установить с союзниками равноправные отношения. Тем более власть Директории в Омске многим продолжала казаться весьма шаткой, неспособной оказать сопротивление Советской России. «Однако вместо совместной борьбы с советским лагерем внутренние ресурсы Директории и всего антисоветского стана продолжали тратиться на междоусобицу» [13, с. 429]. Её влияние на Россию ставилось под сомнение. Как позже отмечал контр-адмирал М. И. Смирнов, управляющий морским министерством в Российском правительстве А. В. Колчака: «Между тем обстановка требовала энергичных действий. В омских общественных и офицерских кругах появились опасения за успех дела борьбы с большевиками при управлении страной Директорией» [14, с. 34].

Томская беспартийная газета «Понедельник» негодует о задержках союзнической помощи, жалеет о непонимании ими своих задач, впрочем, не придавая этому существенного значения. «Союзники пришли к нам с некоторым опозданием, неверно принятыми на себя обязательствами, всё же пришли. Причина всему этому отсутствие у нас в данное время и, по крайней мере, в ближайшем будущем необходимых сил, поэтому только в одних рядах с нашими союзниками возможна для нас борьба с Лениным и Гинденбургом, только при помощи английских, японских и американских капиталистов и специалистов по всем областям знания возможна работа по восстановлению расхищенного благосостояния государств» [15, с. 2].

Признаётся тот факт, что для оказания помощи антибольшевистскому движению интервенты предъявят ряд требований, которые, однако, не стоит расценивать как попытку ущемить права России. «Условия эти, несомненно, весьма существенны, но иного выхода для России нет. В международной политике даром ничто не делается — и если даже условия наших братьев по оружию и будут несколько обременительны, вина падает отнюдь не на них» [15, с. 2].

Леволлиберальный бийский «Алтай» пытается найти виновников катастрофы, постигшей Россию.

Тяжело положение в стране, приход иностранных войск, как иностранных, так и союзных, возлагается на Временное правительство, большевиков («люди с двойными фамилиями»). «Государство с 180 миллионным населением, бывшее 3-м по численности в мире, теперь лежит во прахе, разодранное на клочки, и впервые за свою историю видит, как чужеземные полки сражаются за общую независимость» [16, с. 2].

Газета отмечает положительный настрой либеральных изданий. «Кадетские и здоровые буржуазные газеты, умышленно или неумышленно, настроены оптимистически и, тоже не отрицая того, что союзная помощь, оказываемая России, в интересах и самих союзников вместе с тем, указывают, что вообще выступление стран согласия, участие их в мировой войне объясняется не империалистическими интересами, а иными, высшего порядка интересами — интересами свободы, права и справедливости» [16, с. 2].

Красноярская кадетская газета «Свободная Сибирь» обрушивается с критикой на левый лагерь. Возмущение вызывают высказывания о своеобразных интересах стран Антанты. «Газета категорически протестует против развитых в статье положений и находит, что державы Согласия далеки от захватнических и империалистических стремлений» [16, с. 2]. По их мнению, это просто нелепо, хотя бы потому, что война с Германией ещё не окончена и она продолжает представлять угрозу не только для России, но и всего цивилизованного мира, существованию международного права. «Вот почему эти державы протягивают руку помощи таким слабым государствам, как Сербия, Бельгия, новому государству чехословаков и такому ослабевшему государству, как Россия» [16, с. 2]. Последней в этом выпуске приводится статья из «Голоса Момента» — енисейского умеренно-социалистического органа печати. По мнению «Сибирского вестника», она реальнее других приведённых в рубрике статей показывает положение дел. Появление союзников рассматривается как выгодное в будущем экономическое и военное сотрудничество. Но есть здесь и аспект, касающийся внутренней политики. «Несомненно также и то, что те вооружённые силы, которые придут в Сибирь, в сильной степени окажут влияние и на ход нашей внутренней политики, которое получит более определённый и устойчивый курс. Несмотря на 3-месячное избавление от большевиков мы ещё по сие время не успели установить твёрдой власти» [16, с. 2]. Газета обеспокоена отсутствием (на момент публикации) сильной власти в России. В союзниках видится выход из безнадёжного положения, когда помощь извне принесёт единую крепкую власть.

В последнем выпуске «Сибирского вестника» от 30 октября 1918 г. речь идёт уже и о негативных последствиях союзного вмешательства. «Интервенция союзников большинством газет признаётся «совершенно необходимой в настоящих небывало трудных условиях жизни России, но в то же время это вмешательство является великой тяжестью для всякой независимости страны» [17, с. 3]. Однако отмечается, что, по сравнению с прошлым годом, ситуация улучшилась. Челябинская «Власть Народа», доказывая честность стран Антанты, ссылается на обращения британского правительства к России, однозначно заявляя, что серьёзнейший документ, подтверждающий благородство таких стран, как Англия и Франция. «И теперь, когда каждый день эшелоны союзных войск могут оказаться в Челябин-

ске, мы решительно говорим демократии и рабочему классу — читайте это обращение, и вы поймёте, что русская демократия с безбоязненной радостью может встретить эти эшелоны иностранных войск» [17, с. 3].

Завершается обзор «Сибирью» — иркутским органом печати правых эсеров. В отличие от рассмотренных выше газет, «Сибирь» не отличается оптимизмом, опасаясь «что вмешательство союзников вместо помощи принесёт потерю нашей территории» [17, с. 3]. По мнению газеты, главная опасность в том, что антибольшевистские силы Сибири и Дальнего Востока сами приучают союзников смотреть на русских, как на низшую расу. Несмотря на помощь, оказанную Россией в Первую мировую войну, диалог на равных не предвидится. «Другими словами, мы настойчиво прививаем союзникам взгляд на русский народ, как на неспособный самоуправляться» [17, с. 3]. Но и здесь можно увидеть, что поведение союзников диктуется не их установками в отношении России, а неспособностью политических сил антибольшевистского лагеря установить взаимовыгодное партнёрство.

Практически все газеты в Омске придерживались подобного подхода в освещении интервенции. «Заря» (на тот момент печатный орган единенный социалистической мысли) отмечала дружественный настрой в отношении Временного Всероссийского правительства, комментируя телеграмму, полученную из Токио. Особенно подчёркивается, что население Японии не видит в получении какой-либо выгоды для себя. «Сибирская интервенция мало популярна в широких массах, хотя приветствуется свержение большевиков и восстановление порядка, но массы не понимают, что выиграет от этого Япония» [18, с. 2]. Эсеровская газета «Дело Сибири» выражает опасения, смогут ли союзники устоять на Западном фронте, полагая, что их с Россией по-прежнему связывают общие враги — большевики и Германия, а значит, не нужно опасаться их проникновения в Сибирь и на Дальний Восток. Впрочем, не обходится и без опасений. Газета предполагает, что в будущем, в случае победы, на мирных переговорах союзники станут отстаивать наиболее близкие им интересы. В связи с чем поднимает вопрос о необходимости опоры на свои силы, дабы не попасть в ловушку: «Это обязывает к максимуму напряжения собственных сил в целях восстановления единства и мощи России, — верного залога, что судьба её помимо её не решится» [19, с. 2].

К осени 1918 г. перед антибольшевистским лагерем встаёт серьёзный вопрос — об отношении к союзническому вмешательству. С одной стороны, требовалась поддержка извне, не на словах, но и на деле ввиду того, что практически все военные заводы находились на территории Советской России. После победы над большевиками предполагалось возобновить войну с Германией, и союзническая помощь виделась в качестве продолжения политики Первой мировой войны. Но теперь речь шла не только о военных поставках, но и о наличии на территории России иностранных войск.

Эти вопросы не переставали сходить со страниц антибольшевистских периодических изданий, поскольку требовалось показать населению, что ждёт Россию в случае вмешательства в её внутренний конфликт иностранных государств, пусть и дружеских. Возникла необходимость объяснить, что интервенция является лишь помощью в борьбе с общим врагом — большевиками и Центральными

ми державами. Поэтому следовало успокоить население, дав понять, что Антанта и её союзники не претендуют на получение территорий, не имеют посягательств на суверенитет России. Но, с другой стороны, в газетах рассматривались подобные альтернативы, но лишь в том случае, если силы внутри антибольшевистского лагеря не смогут объединиться и предстанут перед союзниками в разрозненном виде, что, естественно, не встретит уважения. В связи с этим на страницах периодической печати и возникает образ иностранных союзников как в целом бескорыстных друзей, однако не терпящих слабость и неспособность антибольшевистских сил договориться.

Библиографический список

1. Поляков, Ю. А. Антисоветская интервенция и её крах. 1917–1922 / Ю. А. Поляков, В. А. Шишкин, Ю. В. Мухачев. — М. : Политиздат, 1987. — 208 с.
2. Сахаров, К. В. Чешские легионеры в Сибири (чешское предательство) / К. В. Сахаров. — Берлин, 1930. — 136 с.
3. Колдомасов, И. П. Образ союзников по антигитлеровской коалиции в представлениях советского общества в 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. П. Колдомасов. — Екатеринбург, 2000. — 25 с.
4. Сергеев, Е. Ю. Образ Запада в представлениях военной элиты России, 1900–1914 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е. Ю. Сергеев. — Москва, 2001. — 34 с.
5. Нестеренко, П. В. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства А. В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Нестеренко. — Томск, 2000. — 30 с.
6. Гудошников, М. А. Очерки по истории Гражданской войны в Сибири / М. А. Гудошников. — Иркутск, 1959. — 128 с.
7. Мельгунов, С. П. Трагедия адмирала Колчака. В 2 кн.

Кн. 1. Части I, II / С. П. Мельгунов. — М. : Айрис-Пресс, 2004. — 576 с.

8. Гинс, Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства / Г. К. Гинс. — М. : Крафт+, 2007. — 704 с.
9. Иванов, В. Н. Исход. Повествование о времени и о себе / В. Н. Иванов // Дальний Восток. — 1994. — № 12. — С. 3–75.
10. Печать и союзники // Сибирский вестник (Омск). — 1918. — 25 сентября.
11. Печать и союзники // Сибирский вестник (Омск). — 1918. — 19 сентября.
12. Печать и союзники // Сибирский вестник (Омск). — 1918. — 27 сентября.
13. Переверзев, А. Я. Комуч. Директория. Колчак. Антисоветский лагерь в Гражданской войне на востоке России в документальном изложении, портретах, лицах / А. Я. Переверзев. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. — 703 с.
14. Смирнов, М. И. Адмирал Колчак / М. И. Смирнов. — Париж, 1930. — 65 с.
15. Печать и союзники // Сибирский вестник (Омск). — 1918. — 27 сентября.
16. Печать и союзники // Сибирский вестник (Омск). — 1918. — 1 октября.
17. Печать и союзники // Сибирский вестник (Омск). — 1918. — 30 октября.
18. Позиция Японии // Заря (Омск). — 1918. — 5 октября
19. Дневник печати // Дело Сибири (Омск). — 1918. — 19 сентября

СТЕЛЬМАК Максим Максимович, аспирант кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: stelmakmm@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.01.2014 г.

© М. М. Стельмак

Книжная полка

Прохорова, Л. Д. История древнего мира : учеб. электрон. изд. локального распространения : конспект лекций / Л. Д. Прохорова ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2013.-1 о=эл. опт. диск (CD-ROM).

Содержит конспекты лекций по всем разделам дисциплины «История древнего мира», контрольные вопросы по каждой теме и библиографический список. Структура и содержание лекций соответствуют государственному стандарту высшего профессионального образования специальности «Историко-архивоведение». Для студентов специальности «Историко-архивоведение» дистанционной и заочной форм обучения.

Офицеров, В. В. История науки и техники : учеб. электрон. изд. локального распространения : конспект лекций / В. В. Офицеров; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2013. — 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM).

Рассматриваются этапы развития научного и технического становления нашей цивилизации. Интервал обзора основных научно-технических достижений ограничен 16–21 вв. Учебное пособие соответствует требованиям гос. стандарта по специальности и рабочей программе. Конспект лекций предназначен для студентов специальностей 070601 «Дизайн», 032401 «Реклама» очной, заочной и дистанционной форм обучения. Может быть полезен студентам других специальностей, изучающим вопросы научно-технического развития современной цивилизации.

История науки и техники: конспект лекций : учеб. пособие для вузов / А. В. Бабайцев [и др.]. — Ростов н/Д : Феникс, 2013. — 173 с.

Учебное пособие посвящено истории науки и техники, начиная с эпохи первобытности и до наших дней. Освещаются вопросы, связанные с генезисом и развитием науки и техники, их соотношением с социальными процессами. Пособие адресовано студентам, изучающим курс «История науки и техники», а также всем интересующимся вопросами науки и техники.

ЛИКВИДАЦИЯ ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ТИПА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ОКТАБРЬ 1917 г.—МАЙ 1918 г.)

В данной статье на основе архивных и опубликованных источников рассматриваются социально-экономические преобразования советских земельных органов в сибирской деревне в конце 1917—первой половине 1918 годов. Автор показал процесс ликвидации предпринимательских хозяйств, расположенных на частновладельческих землях, проанализировал специфику взаимоотношений власти, крестьянства, сельских предпринимателей и сибирского казачества между собой в условиях революционной нестабильности.

Ключевые слова: сибирская деревня, советская аграрная политика, сельские предпринимательские хозяйства, частновладельческие земли, ликвидация частного землевладения.

Советская власть в Западной Сибири была установлена в декабре 1917—апреле 1918 г., хотя ее провозглашение в регионе началось еще в ноябре 1917 г. Фактически с ноября 1917 г. по март—апрель 1918 г. в Сибири имело место многовластие, когда Советы сосуществовали с городскими думами и земскими органами, осуществлявшими хозяйственно-распорядительные функции в масштабах городов, уездов и губерний (областей). С февраля—марта 1918 г. начинает формироваться единовластие Советов и одновременно происходит консолидация сил антибольшевистской оппозиции, выступавшей с областническими лозунгами автономии Сибири.

Начало социально-экономическим преобразованиям в сибирской деревне положил Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 26 октября 1917 г. Согласно декрету, право частной собственности на землю отменялось немедленно и навсегда. Все земли, с их недрами и лесами, независимо от характера владения безвозмездно передавались в общенародную собственность [1, с. 17—20].

Принципы, заложенные в Декрете о земле, нашли дальнейшее развитие в Основном законе о социализации земли, утвержденном ВЦИК 27 января (9 февраля) 1918 г. Данный нормативно-правовой документ явился конкретной программой решения аграрно-крестьянского вопроса, а Советам предстояло найти формы и методы, соответствующие местным условиям [1, с. 406—419].

В Западной Сибири советское аграрное законодательство претворялось в жизнь земельными комитетами, созданными еще по постановлению Временного правительства от 21 апреля 1917 г. Основные положения Декрета о земле легли в основу проектов аграрных программ практически всех губернских и уездных земельных органов. Так, в январе 1918 г. Тюкалинский уездный земельный комитет хотя и рекомендовал местным комитетам решать вопрос

самостоятельно, однако намечал меры, вполне соответствующие Декрету о земле. В частности, предписывалось немедленно передать казенные, монастырские, церковные и частновладельческие земли в распоряжение земельных комитетов, а частным владельцам оставить только часть земли, в соответствии с трудовой нормой. При этом подчеркивалось, что следует сохранить частновладельческие участки, где имеются культурные и племенные хозяйства, так как они имеют общегосударственную ценность [2, с. 180].

В рассматриваемый период губернские и уездные земельные комитеты региона предполагали произвести дифференциацию крупных частновладельческих хозяйств. Если какое-либо из них представляло ценность для народного хозяйства, то его, по мнению земельных органов, следовало сохранить. При этом необходимо было не допустить как распродажи ценного имущества владельцем, так и вмешательства в работу хозяйства со стороны местного населения. Поэтому, не посягая на форму собственности, руководство земельных комитетов склонялось к необходимости установления своего контроля над такими культурными и образцовыми хозяйствами [3, с. 50]. В качестве примера можно привести постановление Томского губернского земельного комитета от 16 декабря 1917 г. «Об отношении к частновладельческим хозяйствам, расположенным в пределах губернии на землях как собственных, так и арендованных». Данный документ предписывал детальный учет частновладельческих хозяйств губернии с определением степени важности каждого из них. Более того, в постановлении особое внимание уделялось регламентации процедуры принятия культурных хозяйств на учет и их передачи в ведение земского управления. Всю работу по реализации данного постановления планировалось завершить к началу новой посевной кампании, но в действительности оказалось,

что к этому времени часть земли и имущества многих частновладельческих хозяйств уже были разделены между крестьянским населением соседних деревень [3, с. 50].

Деятельность земельных органов волостного звена по отношению к предпринимательским хозяйствам заметно отличалась от позиции губернских комитетов. Такая тенденция наблюдалась еще с весны — лета 1917 г. Так, в Кузнецком уезде некоторые волостные комитеты в октябре 1917 г. приняли ряд постановлений, по которым происходило отчуждение всех без исключения частновладельческих земель. При желании бывшие владельцы хозяйств могли получить землю по общим нормам для тех или иных волостей. Канский уездный крестьянский съезд в апреле 1918 г. также постановил конфисковать все казенно-оброчные статьи и земли частных владельцев. Более того, был осуществлен даже раздел конфискованных земель [3, с. 51].

Советские органы власти непосредственно подключились к решению земельных вопросов только с марта 1918 г., когда земельные комитеты были реорганизованы в земельные отделы Советов. Отметим, что Советы тоже не имели конкретной программы аграрных преобразований на основе первых советских земельных законов. По мнению современного историка Н. Ф. Иванцовой, советские органы в Западной Сибири «не выработали ни общих положений аграрного законодательства, которые бы учитывали условия региона, ни, соответственно, механизма проведения его в жизнь» [2, с. 194–195].

Анализ документов крестьянских съездов показывает, что решение земельного вопроса в сибирской деревне Советы предполагали осуществлять по следующим двум направлениям. Во-первых, путем передела земли с целью уравнивания (как в количественном, так и в качественном отношении) землепользования различных социально-экономических и юридических категорий крестьянского населения [4, с. 142]. Второе направление предполагало ликвидацию казенного, частновладельческого, церковно-монастырского, некоторых форм казачьего землевладения. Абсолютное большинство земель этих категорий и должно было отойти крестьянству.

Осуществление Декрета о земле началось сразу же в декабре 1917 — январе 1918 г., когда власть в некоторых районах Западной Сибири находилась фактически у органов Временного правительства. Комитеты, принимая те или иные решения, подчеркивали, что они носят временный характер и распространяются только на 1918 г. [2, с. 197].

Согласно действующему аграрному законодательству, местные земельные органы отдавали лучшие земельные участки в первую очередь для коллективного земледелия. Затем удовлетворялись интересы безземельного населения: оседло живущих крестьян, неприписанных и беженцев [5]. Весной 1918 г. распределение земли шло полным ходом в Акмолинской области. Основную работу по дополнительному наделению крестьян землей провели Советы Омского и других уездов Акмолинской области. В Томской губернии к середине мая 1918 г. церковные, монастырские и частновладельческие земли были переданы нуждающимся крестьянам, живущим в данной местности. Массовое наделение землей безземельных, малоземельных и неприписанных к обществу крестьян весной 1918 г. было осуществлено и на Алтае [6].

Первые преобразования новой власти в аграрной политике коснулись, прежде всего, предпринимательских хозяйств, расположенных на частновладельческих и арендованных землях. Так, Н. Ф. Иванцова, ссылаясь на данные комиссии по возвращению частновладельческих земель Временного Сибирского правительства, указывает, что только в Бийском уезде в марте — мае 1918 г. были отобраны земли, живой и мертвый инвентарь у 39 коннозаводчиков и скотопромышленников. По неполным материалам той же комиссии, у крупных арендаторов Змеиногорского уезда было изъято 32 390 дес. лугов и пастбищ из 41 927 дес., арендованных ими. Большая часть этих земельных угодий была перераспределена неприписанному населению, переселенцам и беженцам [2, с. 199].

Весной 1918 г. по инициативе местных Советов изъятие земель у частновладельческих хозяйств было дополнено конфискацией инвентаря. В данном вопросе руководствовались таким же принципом, что и отношении излишков земли: не подлежал конфискации инвентарь, необходимый для обработки трудовой нормы земли [7, с. 21–22].

Примерно с февраля 1918 г. частновладельческие земли в регионе начинают переходить под контроль местных земельных и советских органов. В этот период принимаются решения губернских земельных комитетов и Советов по учету и обследованию хозяйств, расположенных на частных землях.

Большая группа частновладельческих хозяйств предпринимательского типа находилась в пределах Омского, Тюкалинского и Татарского уездов Омской области, где «осела» и основная масса неприписанных переселенцев, требовавших землеустройства. В условиях революционной неразберихи они начали самостоятельно решать свои проблемы, захватывая чужие земли. Поэтому исполком Омского областного Совета в циркуляре от 20 марта 1918 г. рекомендовал всем местным Советам учредить рабочий контроль над предпринимательскими хозяйствами, послать в них своих комиссаров, организовать учет и охрану имущества [8]. Необходимо было осмотреть каждое хозяйство и на месте решить вопрос об их использовании. Эту работу провели специальные комиссии, созданные в конце марта 1918 г. по постановлению земельного отдела Совнархоза.

Подобные структуры были и в других районах Сибири. Известно, что в Змеиногорском уезде ликвидацией овцеводческих предпринимательских хозяйств занимались 53 комиссара, которые были специально уполномочены для этих целей Советами [2, с. 202].

В Омской области действовало 7 таких комиссий, в каждой из них был свой комиссар, агроном и, на случай возникновения конфликтных ситуаций, представитель исполнительного комитета Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов [9]. В своей деятельности комиссии руководствовались наказом «О порядке учета имущества в имениях», специально разработанным Омским областным земельным отделом. В конце марта 1918 г. комиссии выехали на места и приступили к работе. Сведения, собранные ими по Омской области, были неутешительными, да и неполными. В большинстве имений имела место несбалансированность хозяйственных систем в связи с кризисными явлениями в ведущих отраслях — полеводстве и животноводстве [10]. Следует отметить, что в комиссариате земледелия и землеустройства до конца его деятельности полной ясности о состоянии конфискованных имений и о возможности их практического использования так и не было [11].

Весной 1918 г. Омским областным исполкомом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов были подвергнуты конфискации частновладельческие хозяйства М. П. Телегина, П. Я. Калинина, П. А. Липатникова, Е. А. Яцкина, И. И. Готмана, И. Л. Бекеля, А. Д. Зейферта, Ромберга, А. С. Хаймовича и др. [12].

Негативные моменты в развитии предпринимательских хозяйств в этот период наблюдались и в Томской губернии. С установлением Советской власти хозяйства предпринимателей-коннозаводчиков Ф. С. Пьянкова, Н. П. Ермолаева, Н. А. Цевловского и С. Здорика были объявлены «народным достоянием», но «беспорядочный и анархичный захват земель» и процесс «разрушения культурных сельскохозяйственных ценностей» в них не прекратился. В этот же период на учет земельной управы были взяты, кроме названных выше имений Томской губернии, расположенные в Томском уезде предпринимательские хозяйства Г. И. Фуксмана, А. А. Гаттенбергера, В. М и Н. В. Харченко, А. В. Пудовикова, П. В. Бильдинского. При этом Томским губернским Совнархозом были приняты жесткие меры по возврату расхищенного крестьянами имущества и инвентаря из этих хозяйств [13].

Еще ранее, 19 февраля 1918 г., по уездам Омской области было разослано постановление исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов о национализации живого и мертвого инвентаря частновладельческих нетрудовых хозяйств. По этому постановлению весь живой и мертвый инвентарь частновладельческих нетрудовых хозяйств, а также постройки и предприятия поступали в распоряжение Омского областного исполкома и Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Все сделки с инвентарем, произведенные после объявления Декрета о земле, считались недействительными [14].

Весь инвентарь предпринимательских хозяйств, даже тот, который был заложен или отдан в аренду, учитывался местными Советами и распределялся на общих основаниях. В Омском уезде инвентарь делили между волостями и поселками пропорционально числу хозяйств в них.

Порядок распределения инвентаря в Тобольской губернии в целом был таким же, как и в других районах Западной Сибири. Живой и мертвый инвентарь тех имений, на базе которых создавались коллективные хозяйства, оставался на месте и поступал в распоряжение организующихся коммун и артелей. Излишки инвентаря передавались на прокатные пункты и в личное пользование крестьян за плату, установленную уездными земельными комитетами [6]. В связи с этим необходимо отметить, что у сельскохозяйственных предпринимателей живой и мертвый инвентарь изымался, естественно, без какого-либо выкупа.

Сельские предприниматели обязаны были давать подписку о сохранении своего хозяйства, имеющегося инвентаря и производства. Причем это аргументировалось необходимостью предотвратить разгром культурных хозяйств местным населением. После осуществления процедуры конфискации предпринимательских хозяйств они передавались местным земельным органам. Бывшим владельцам оставляли то количество земли и скота, которое было необходимо для ведения трудового хозяйства [15]. Специальными решениями категорически запрещалось использовать в таких хозяйствах наемных рабочих, в частности, труд военнопленных [2, с. 202].

Следует отметить, что зачастую национализация превращалась в обычный захват имущества предпринимательских хозяйств. На этот факт в циркуляре от 20 марта 1918 г. обратил свое внимание Омский областной исполнительный комитет. В документе говорилось, что «при конфискации волостными и сельскими властями частновладельческих предприятий часто имеют место случаи злоупотреблений со стороны владельцев, и, кроме того, мероприятия самих властей бывают иногда неподобающими, отчего возникают недоразумения, наносящие ущерб переходящему в народное достояние имуществу» [14].

Погромы предпринимательских хозяйств, особенно высококультурных и образцовых, были и в других районах Сибири. Например, в Новониколаевском уезде крестьяне, захватив хозяйство И. Курлина, распределили между собой 39 племенных коров и 13 лошадей. В хозяйствах Ромберга и Липатова в том же уезде население изъяло 50 племенных лошадей и 50 коров, а также весь сельскохозяйственный инвентарь. В Ишимском и Змеиногорском уездах крестьяне в предпринимательских хозяйствах сносили постройки и раздавали овец племенных пород по деревням пропорционально численности населения. Комиссия Томского губернского Совнархоза, обследовав в апреле 1918 г. реквизируемые частновладельческие хозяйства, констатировала разгром имущества, инвентаря и зданий на конных заводах Н. А. Цевловского и Н. П. Ермолаева [16].

Иногда в отношении предпринимательских хозяйств, в которых имелись опытные поля, питомники племенного скота и которые не пострадали от погромов зимы 1917 г., земельные органы принимали решения о частичной или полной компенсации владельцам за отчужденное имущество. При этом, объявив такие хозяйства общенародным достоянием, советские земельные органы с целью их сохранения и расширения заведывание в них отдавали бывшим владельцам. Специальными инструкциями исключалась их дискриминация со стороны комиссаров, которые выполняли функцию управляющих. Весной 1918 г. многие комиссары даже были отозваны из таких показательных хозяйств [2, с. 203].

В несколько иных условиях оказались частновладельческие предпринимательские хозяйства, расположенные на территории Сибирского казачьего войска. Войсковое правительство, сформированное в сентябре 1917 г., отстаивало интересы частных собственников, а Совет казачьих депутатов, напротив, выступал за конфискацию предпринимательских хозяйств, расположенных на частновладельческих и арендованных землях [17].

Ситуация осложнилась в январе 1918 г., когда Омский Совет рабочих и солдатских депутатов распорядился национализировать имущество арендаторов войсковых казачьих земель, что вызвало протесты со стороны последних [18]. Администрация казачьего войска, Совет казачьих депутатов, Омский Совет на совместном совещании решили, что собственниками таких хозяйств пока останутся их владельцы, но над ними будет установлен контроль [4, с. 146].

В конце января 1918 г. по постановлению Совета казачьих депутатов Войсковое правительство было арестовано [18]. В марте решением 3-го Войскового круга на территории казачьего войска создавались местные земельные комитеты как для учета частновладельческих имений, так и для охраны

от расхищения войсковых лесов и арендаторских хозяйств [19].

В этом период изъятие земельных угодий имело место в хозяйствах Ф. Ф. Штумпфа, братьев Г. П., Е. П. и М. П. Телегиных, И. П. Шеля, И. Ф. Матиса, В. И. Зайцева, М. А. Игнатова, Г. Г. Герцена, Н. П. Ковалева, Ф. И. Исаака, Ф. П. Исаака, А. Ф. Ведау, Н. Я. Смирнова и др. [17, 20].

Именно с этого момента началось разрушение одного из лучших семенных селекционных хозяйств в Сибири, организованного И. М. Карзиным. Лосевский земельный комитет, взяв под контроль хозяйство, вынудил И. М. Карзина его покинуть, при этом сместил опытных сотрудников, заменив их «несведущими людьми» [21]. Все это не могло не сказаться на функционировании культурного хозяйства.

Следует признать, что на войсковой территории, где вопрос о национализации не был поддержан большинством казачества, предпринимательские хозяйства пострадали меньше, чем в других районах Сибири. Отмечены случаи, когда представители казачьих земельных комитетов, для того «чтобы не разрушить хозяйства», предоставляли владельцам землю не по потребительско-трудовой норме, а по действительной потребности и под посев давали площадь, которую предприниматели засевали в предыдущие годы [4, с. 146–147].

В марте 1918 г. земельный отдел Омского областного исполнительного комитета разослал по уездам Основной закон о социализации земли и потребовал немедленного обнародования его в каждом селении. Советы на местах, в свою очередь, принимали решения о скорейшем претворении закона в жизнь. Но на практике ситуация была иной. Выступая на общем собрании Омского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 23 марта 1918 г., председатель Омского областного исполнительного комитета Н. Е. Ишмаев, говоря о трудностях в деле национализации и социализации предпринимательских хозяйств, предостерегал от скоропалительных действий: «Земельный вопрос стоит остро. Социализация крупных помещичьих имений вполне осуществится не ранее как через два-три года. Многие помещичьи имения находятся на казачьей территории — эти имения считаются конфискованными областным исполнительным комитетом, но, благодаря упорству казаков, обобществление их в настоящее время не осуществлено» [22].

Трудности в реализации первых аграрных преобразований в сибирской деревне современники этих событий объясняли отсутствием «из центра руководящих указаний в отношении порядка национализации хозяйств», а главное — «отсутствием на местах строго-революционно настроенных сотрудников» [23]. Квалифицированных сотрудников, способных грамотно организовать дело, явно не хватало. Не случайно Комиссариатом земледелия планировалось организовать в мае 1918 г. в Томске курсы по подготовке инструкторов для осуществления на практике закона о социализации, куда должны были приехать представители всех сибирских губерний и областей [24, с. 82].

Необходимо отметить, что в первой половине 1918 г., в связи с ликвидацией частновладельческих хозяйств, создание на их основе коллективных форм хозяйствования носило единичный характер. Да и Советы в первый год своей деятельности не ставили перед собой задачи планомерного создания

подобного рода хозяйств и систематической работы в этом направлении не вели [2, с. 214].

Таким образом, в конце 1917–первой половине 1918 г. сибирское сельское население получило дополнительные земельные прирезки, прежде всего за счет бывших кабинетских, казенных, монастырских и церковных земель. Частновладельческие земли, а также арендные участки сельских предпринимателей, изъятые на начальном этапе аграрных преобразований Советской власти, не стали основой для дополнительного наделения сибирского крестьянства. При этом в регионе были образованы первые коллективные и государственные (советские) хозяйства, в том числе и на базе бывших частных предпринимательских хозяйств [24, с. 79–81].

Национализация земли, конфискация усовершенствованных машин и орудий, живого инвентаря не могли не сказаться на развитии сельских предпринимательских хозяйств в регионе. Социально-экономические преобразования, проводимые советскими органами в Западной Сибири, нанесли серьезный урон, прежде всего наиболее эффективным в экономическом отношении предпринимательским хозяйствам.

Библиографический список

1. Декреты Советской власти. — М., 1957. — Т. 1. — 627 с.
2. Иванцова, Н. Ф. Западносибирское крестьянство в 1917–первой половине 1918 г. / Н. Ф. Иванцова. — М., 1993. — 352 с.
3. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории / отв. ред. В. А. Ильиных. — Новосибирск, 2008. — 308 с.
4. Вибе, П. П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект : моногр. / П. П. Вибе. — Омск, 2007. — 368 с.
5. Государственный Исторический архив Омской области (далее — ГИАОО). Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.
6. Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. — Новосибирск, 1983. — С. 30–31.
7. Горюшкин, Л. М. Претворение в жизнь Декрета о земле в Западной Сибири в конце 1917–первой половине 1918 г. / Л. М. Горюшкин // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. — Новосибирск, 1965. — Вып. 5: Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917–1961 гг. — С. 7–27.
8. ГИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 293. Л. 107.
9. ГИАОО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 55. Л. 10–10 об.
10. ГИАОО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 25. Л. 36–36 об.
11. Центр документации новейшей истории Омской области (далее — ЦДНИОО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 113. Л. 1–2; Д. 141. Л. 1; Д. 545. Л. 30.
12. ГИАОО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 43. Л. 1; Д. 135. Л. 5–5 об.; Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 47. Л. 4–4 об.
13. Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 363. Л. 1–3, 5–5 об., 7–7 об.; Д. 68. Л. 16–16 об.; Р-934. Оп. 1. Д. 10. Л. 110–110 об.; Д. 27. Л. 3, 6–11, 15, 17.
14. ГИАОО. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 1. Л. 87, 133.
15. ГАТО. Ф. Р-934. Оп. 1. Д. 10. Л. 42–42 об.
16. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 68. Л. 45; Д. 363. Л. 2.
17. Дневник 4-го Чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска. 4 июля 1918 г. — Омск, 1918. — С. 13–34.
18. ЦДНИОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 545. Л. 11, 21–22.
19. ГИАОО. Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 150. Л. 38–39, 57–57 об.
20. ГИАОО. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 4. Л. 61; Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 171. Л. 1–2 об., 6; Д. 247. Л. 24–25, 29–30 об.

21. ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 55. Л. 11, 15.
22. Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти. — Омск, 1958. — С. 176.
23. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 49 об.
24. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. — Л., 1968. — 490 с.

КРОТТ Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: ivkrott@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.02.2014 г.

© И. И. Кротт

Книжная полка

Рыбаков, Р. В. Новая история стран Европы и Америки : учеб. электрон. изд. локального распространения : конспект лекций / Р. В. Рыбаков ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2013.-1 о=эл. опт. диск (CD-ROM).

Издание содержит конспекты лекций по всем разделам дисциплины «Новая история стран Европы и Америки», контрольные вопросы по каждой теме и библиографический список. Структура и содержание лекций соответствует Гос. стандарту высшего профессионального образования специальности «Историко-архивоведение». Для студентов специальности «Историко-архивоведение» дистанционной и заочной форм обучения.

Евдокимова, А. А. История стран Востока в Новое время : учеб. пособие / А. А. Евдокимова. — Ростов н/Д. : Феникс, 2012. — 344 с. — ISBN 978-5-222-18134-8.

В учебном пособии системно изложена история стран Востока в Новое время от великих географических открытий до Первой мировой войны. Курс написан с учетом достижений отечественной и зарубежной историографии на основе современной методологии исторической науки, где сочетаются проблемный и системный подходы, уделяется внимание роли личности в истории. Значительное место уделено идеологии и политике стран Востока в период колонизации. Допущено Учебно-методическим объединением Министерства образования и науки РФ в качестве учебного пособия по направлениям педагогического образования для студентов высших учебных заведений.

Пленков, О. Ю. Новейшая история стран Европы и Америки / О. Ю. Пленков. — М. : Юрайт, 2014. — 398 с. — ISBN 978-5-9916-3388-8.

В учебнике изложена всеобщая история нового и новейшего времени, раскрыты обстоятельства возникновения и развития главного феномена рассматриваемого периода невиданного ранее ускорения в развитии общества. Данное издание поможет будущим специалистам в изучении закономерностей развития истории в новейшее время, определять принципиальные различия отдельных периодов истории новейшего времени, выявлять их уникальность и своеобразие.

Яблоков, И. Н. История религии : учебник для бакалавров. В 2 т. Т. 1 / И. Я. Яблоков. — М. : Юрайт, 2014. — 526 с. — ISBN 978-5-9916-3238-6.

Учебник «История религии» представляет собой двухтомное издание. В первом томе раскрыты существенные характеристики религии, ее основы и предпосылки, исторические типы религий, структура, функции и роль религии. Выявлена связь различных историко-религиозных явлений с социокультурными особенностями тех или иных стран и регионов. Рассмотрены проблемы происхождения религии, ранние формы верований и культа, автохтонные религии Африки, Америки, Океании, Австралии, религии в Древнем мире. Особое внимание уделено анализу народностно-национальных религий, которые существуют и поныне. Для закрепления изученного материала в конце глав представлены контрольные вопросы и задания.

Яблоков, И. Н. История религии : учебник для бакалавров. В 2 т. Т. 2 / И. Я. Яблоков. — М. : Юрайт, 2014. — 783 с. — ISBN 978-5-9916-3237-9.

Во втором томе учебника «История религии» рассмотрена история возникновения, распространения и современное состояние мировых религий — буддизма, христианства, ислама. Проанализированы вероучение и философия основных направлений буддизма, теология и философия различных направлений христианства и ислама, социально-политические позиции и деятельность буддийских, христианских (православных, католических, протестантских), мусульманских организаций. Описаны новые религиозные движения: раскрыты причины их возникновения, особенности вероучения, культа, организации, деятельности, выявлены их типы.